САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

ДОМ ЧУДОВИЩ

25 ТРУПОВ СТРАШНОЙ ОБЩАГИ

Надежда Гамильнот
Александр Подольский
Александр Александрович Матюхин
Валерий Лисицкий
Александр Александрович Прокопович
Августа Титова
Елена Щетинина
Ольга Александровна Коханенко
Лия Селиверстова
Наталья Волочаевская

25 трупов Страшной общаги

Серия «Самая страшная книга. Дом чудовищ»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66329649
25 трупов страшной общаги. Сборник рассказов: ИМ Призрачные Миры; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-122187-4

Аннотация

Чудовища существуют, и у них есть дом.

Интеллигентный каннибал Иван Иванович вдруг понимает, что бланкет из Галины Петровны – отравлен и им с ручным голубем Птомой предстоит защитить честь старой подруги. Японская лисица-оборотень Кицуне, маясь от безделья, вмешивается в опасную ведьмину игру. Аля замечает, что в стенах Общаги грань между явью и снами стирается. Боря попадает в мертвую временну́ю петлю, а Саша, сумевший нарисовать на стенах Общаги граффити, вдруг понимает, что рисунки начали оживать…

Содержание

Александр Прокопович 7
Глава первая 7
Глава вторая 13
Глава третья 17
Глава четвертая 26
Надежда Гамильнот, Александр Подольский 34
Александр Матюхин 90
1 90
Конец ознакомительного фрагмента. 91

Александр Матюхин, Александр Прокопович, Александр Подольский, Елена Щетинина, Наталья Волочаевская, Ольга Коханенко, Августа Титова, Надежда Гамильнот, Валерий Лисицкий, Лия Селиверстова
25 трупов страшной общаги
Сборник рассказов

* * *

© Авторы, текст, 2020
© А. А. Прокопович, составление, 2020

© Е. Эллер, иллюстрация на обложке, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Александр Прокопович
Сад коменданта

Глава первая
Ангелы не падают

– Не думал, что они такие большие. – Василию Николаевичу Петровскому нравилось увиденное.

Крылья мертвой девушки, лежащей у ног Петровского, были размахом метров двадцать, хватило бы небольшому самолету.

– На таких, наверное, можно и еще с собой кого-то потянуть…

Младший следователь Дарья Рыжикова попыталась представить себе девушку, летящую с Василием Николаевичем, прижимая того к груди… Одна версия падения появилась. Петровского – мужчину, который был одновременно высоким и толстым, словно его вертикальное и горизонтальное измерения находились в бесконечной конкуренции, – могли удержать в воздухе не каждые крылья.

Даша старалась держаться рядом с шефом, что было тяжко. Дарья была упорной. Траектория движения Петровского была непредсказуема. Пчела вокруг блюдца с медом – то

дальше, то ближе, ясно, что вот-вот присядет на край, но поди угадай когда.

Петровский остановился, младший следователь неизбежно врезалась в тушу начальства.

– Это маньяк так развлекается? – робко, куда-то в область лопаток Петровского, проговорила Дарья.

– Маньяку придется поработать, чтобы найти еще одну жертву. Кого-то похожего. – Старший следователь Петровский отошел к детской площадке и с живостью, не предполагавшейся по соотношению вес/рост/возраст, взобрался на горку, чтобы изучить картинку с высоты. – Может, это и не маньяк вовсе?

Длинноногая блондинка лежала ничком, впечатавшись головой в землю. Без одежды, что позволяло оценить фигуру и ослепительно-белую кожу. Крылья картинку не портили. Казалось, просто два полотна телесного цвета слева и справа от тела. Только кто-то их вшил в район лопаток. Неочевидно вшил, будто они оттуда росли.

– А она довольно крупная, – поделился Петровский. – Так сразу и не скажешь.

– Метр девяносто восемь, – конкретизировала Дарья. – Надо баскетбольные клубы опросить.

– С такой-то грудью? – Петровский, казалось, все никак не мог выбрать: скатиться по горке или все-таки спуститься по лесенке.

Как следователь определил «такую-то» грудь, осталось

для Даши загадкой. Вероятно, большой опыт наблюдения за женщинами, лежащими на животе.

– Забавно, у нас тот редкий случай, когда стоишь одновременно на месте преступления и на орудии убийства, – в голосе Петровского явно различалась радость. Редкие случаи он любил.

– Она же упала…

– Но смерть наступила не от падения, а от его финальной фазы. Удара об землю. Вероятно. Кстати, откуда она могла тут упасть?

Петровский и Даша одновременно посмотрели вверх – ничего, кроме затянутого тучами неба, они рассмотреть не смогли.

– Сбросили с самолета?

Детская площадка, а за ней пустырь с единственным домом, почти сливающимся с вечно хмурым небом города. Старая общага. Та самая. Петровский знал: если это дело относится к общаге, а так, скорее всего, и окажется, то его можно даже не расследовать. Мертвая девушка с крыльями и общага – совпадения случаются. Наверное.

– Поговоришь с комендантом или мне самому? – Петровский вспомнил последнее общение с Константином Марковым и как-то сразу потерял интерес.

– Конечно. – У Дарьи воспоминания были совсем другие. – А вдруг наша жертва ангел?

– Ангелы не падают.

* * *

Конверт.

В последний раз Костя Марков получал письмо… очень похоже на то, что он не просто не мог вспомнить, а вообще никогда не получал настоящих писем. Чтобы вот в бумажном конверте и с маркой. Лось на марке шел куда-то против сильного ветра, чудом не падая в жуткой фиолетовой метели.

Проблема заключалась в том, что почтальон в общагу не заходит. Сюда и уголовный розыск заходит, только если очень попросит, а комендант разрешит. Константин Марков – комендант Старой общаги – очень хотел конверт выбросить.

Их не волновал ветер. Трое стояли у Старой общаги в строгой позиции участников странного кордебалета. Три параллельных взгляда, одеты точно не по погоде, но как-то погода – традиционная местная со снегодождем и умеренным штормом – проходила мимо. Не задевая.

Полина. Точнее – всегда с отчеством, Полина Сергеевна. Невысокая, с отсутствующей талией. Не толстая. Просто фигура выдалась прямоугольником – что уж тут. Зато туфли из тех марок, что надевать – да, носить – только ступая по коврам и мрамору. Точно не по асфальту. Платье. Такие хоро-

ши на съемках. Застыть, подождать, пока сфотографируют, и сразу переодеваться во что-то, в чем можно жить, а не позировать. Вероятно, где-то рядом скрывался «бентли» с чутким водителем, чтобы моментально явиться по зову (по нахмуренной брови) пассажира.

Взгляд у Полины Сергеевны неожиданно – учительский. Строгий, из тех, что вспоминаешь и «повторение, которое мать учения» и «терпение и труд» – как-то сам все сразу понимаешь, и никаких надежд.

Рядом – высокий, немного согнувшийся, будто ширина костей и набор мышц с трудом справляются с ростом. Борис. Чаще – Боренька. Его лимонные кроссовки, алый спортивный костюм, темно-синяя бейсболка не справлялись с задачей вытравить бледность, невзрачность из человека молодого наверно, молодого.

Третий. Леонид. Джинсы, поло, туфли, бахилы. Все дорогое, даже бахилы – двойные, белоснежные. Сидел человек в кресле у стоматолога, полоскал ротовую полость синей жидкостью, вышел отдышаться – и вот, стоит, смотрит.

Ведьма и два колдуна. Трое и общага. Общаге было все равно. Костя оценил и неподвижность, и параллельность троицы. Конверт открыл, письмо прочитал. Выбросил. Лихо занимало апартаменты в общаге. И пусть оно было скорее узником, чем жильцом, никто не мог нанести вред любому постояльцу Дома Чудовищ. Так было, и так будет.

Существо с десятиметровыми крыльями должно было доказать коменданту, что у троицы есть желание, возможность и воля.

Константин Марков знал, что чудовища иногда умирают. Особенно, если сталкиваются с другими. А вот полиция мешала, и это было некомфортно.

Глава вторая
Охота на живца

Каблуки мешали, но всегда срабатывали. Шуба, сумочка работали с надежностью, доступной только самым простым инструментам. Молоток, топор, плоскогубцы.

Важно было выбрать правильное место. Никаких подворотен. Невский проспект остался за спиной, все еще респектабельна Пушкинская, еще несколько шагов – вот и Коломенская. От угла можно при желании рассмотреть троллейбус, направляющийся к Московскому вокзалу, но ты уже в другом Петербурге. У Клариссы был дар. Каблуки, шуба, сумочка срабатывали всегда. Одиннадцать вечера, на Невском все живо, тут, в двух кварталах, – все умерло. Только она и эти трое. Клюнули.

Никакой фантазии, никакой игры. Вынырнули из-под арки, догнали. Который поменьше, вцепился в сумку. Второй придержал ее за плечи. Чтобы остановилась. Третий, наверное, главный, зашел спереди. Еще рано, надо немного подождать…

– Женщина, – вероятно, в этот момент он себе нравился, до флирта всего чуть-чуть, вот только «женщина» – какое уж тут ухаживание, – ты не сопротивляйся, и мы отпустим. Целенькую.

Нож. Обычно до такого не доходило. Решил напугать?

Троих-то на одну маломощную мадам мало, нужно еще и холодным оружием взбодрить.

– Берите что хотите… – Клариссе нравился этот момент. Адреналин у нападавших все еще работал, но плечи немного опустились, руки расслабились, пацаны выдохнули. Осталось одно. Кларисса обняла того, что с ножом. Так, чтобы перехватить руку. Все.

Прошло совсем немного времени, пока они поняли – они не могут ничего. Кларисса не сопротивлялась. Она питалась. Не было никакой сумочки, никакой шубы и никаких каблучков. Было чудище Кларисса, которое могло сожрать, выпить без остатка любого, до кого дотянулось. Или того, кто дотянулся до нее.

С точки зрения человеческой – она была голой. Кларисса умела превращаться во что угодно, любой формы, цвета и фактуры. Сейчас ее части тела были очень похожи на одежду, на сумочку, на туфли, все то, что обещало деньги и никакого сопротивления. Червяк на крючке. С очень короткой леской.

Кларисса все делала аккуратно. За углом в мусорном ящике ее ждал заготовленный пакет, там же дожидался телефон в настоящей сумке. Туда она собрала одежду, оставшуюся от троих. Ее она выбросит в такой же ящик, но в другом районе. Никто никогда не найдет ничего, что сможет хоть как-то объяснить, что произошло. Даже если кто-то что-то видел. Что он видел?

Как обычно, после трапезы было легко и хорошо. Она немного тупела. Просто кровь отливала от ее странного мозга, чуть меньше кислорода, чуть меньше концентрации. Что за ней следят, она почувствовала, уже почти дойдя до Общаги. Снова трое. Только это точно были не гопники.

Ее этому не учили, сейчас работали инстинкты. Кларисса могла быть не только ловушкой, она могла просто напасть. Очень быстро. Чудовище не предоставило колдуну ни одного шанса. Боренька успел только заметить, что у нее что-то не то с лицом. У Клариссы всегда были проблемы с этой частью ее образа. Слишком много деталей удерживать в правильном положении было трудно. Особенно сейчас, когда она была сытой и напуганной одновременно.

Им не хватило нескольких секунд, чтобы сделать все как задумано. Чудовища – не люди, с ними все не просчитать.

Кларисса – не питалась, убивала. Никакой аккуратности. Голова, синяя бейсболка отдельно, тело в алом спортивном отдельно. Осталось еще двое…

Сегодня Полина Сергеевна надела лимонно-желтое платье с каким-то немыслимо длинным подолом. Хватило бы на половину этой улочки. На грот чайного клипера хватило бы тоже. Ведьма немного наклонилась вперед, сделала движение правой кистью, будто пыталась провернуть ручку невидимой двери, и Кларисса застыла как муха в янтаре. Ее поймали. Что ж, пусть подойдут поближе.

Сегодня Леонид обошелся без бахил. Зато с длинными

ножнами на ремне через плечо. Меч. Не мачете, не сабля – огромный меч, странно, как ему хватило места в ножнах. Кларисса ждала, что он подойдет, и вот тогда… Колдун сделал домашнюю работу. Никаких подойти поближе. Длина меча и не предполагала. Встал в стойку и ударил. Кларисса сделала что могла, меч не развалил ее, только поранил. Но Леонид ударил еще и еще. В прошлой жизни он, вероятно, работал дровосеком.

То, что осталось от Клариссы, – должно было остаться здесь, хотя бы до приезда полиции. До Общаги всего ничего. Полина Сергеевна никогда не полагалась на случайности и позвонила в скорую. Полицию те вызовут сами.

Глава третья
Сад коменданта

Петровский не поехал. Достаточно странно и страшно (ему действительно было страшно), достаточно близко к Общаге. Снова. Достаточно, чтобы знать – все плохо. Очередные жертвы. Одну порубили, будто кто-то собирался сделать из нее бефстроганов. Были некие сомнения, что жертва – человек. Что-то человеческое в ней было, но как-то частями. Эксперты вынесли заключение, из которого следовало только то, что эксперты работали и ни одного правила не нарушили.

Со второй жертвой было почти нормально. Ну откусили блондину голову. С кем не бывает? Смущало только то, что челюстей таких не водилось в северном городе. Их и в южных не водилось. Ближе всего крокодил. Ну да, в двух кварталах от Невского. Дядя Гена, не иначе.

Дарья неожиданно оказалась главной на месте преступления. Вероятно, это позволило ей держаться. Младший следователь, обойдя все и все изучив, с неожиданностью для себя направилась к Общаге и, уже подходя, с какой-то обреченностью решила, что, вероятно, ничего худшего ей увидеть в этой жизни уже не придется, а значит, она теперь молодец. Навсегда.

В Общаге ее ждали. Кира. Эта женщина точно служила

в армии, даже если численность этой армии ограничивалась одним военнослужащим. Форма – белый верх, черный низ. Парадно-выходная.

– Вас ждут.

В двери на уровне бедра Киры протиснулась голова. В чешуе и с зубами. Даше уже доводилось видеть представителя местной фауны. Варан. Довольно крупный варан. Принюхался и нырнул обратно, в тепло.

Дарья попыталась прикинуть – ведь не может же варан откусить голову взрослому человеку? Даже такой крупный. Или может?

– Пойдемте, холодно. – Кира зябко повела плечами и пропустила Дарью в холл. Варан уже занял свое место в специфическом аквариуме без стекла. Пытался изобразить собственное чучело.

Вот и славно, подумалось Даше. Раньше чучела ей не нравились, а сейчас она внезапно поняла, что мало что внушает такое спокойствие.

– Комендант вас ждет в саду. – Кира направилась к двери, которой, младший следователь могла в этом поклясться, мгновение назад просто не было. Ну не могла она не увидеть эту прозрачную створку, за которой отчетливо считывалась гладь бассейна? Не может же быть, чтобы это было озеро. Или не озеро? Такие волны в озерах бывают?

Стоило младшему следователю Дарье Рыжиковой переступить порог Общаги, как в книге с плотной черной облож-

кой появилась запись. Каждый, кто входил в Общагу, становился ее обитателем. А обитателей Общага хранила. Почти во всех случаях. Если на то была воля коменданта, который владел и книгой, и стилусом, единственным предназначением которого было делать записи в этой книге. Или вычеркивать из книги тех, кому не стоило появляться в этом доме.

Сад появился в Общаге в тот момент, когда Константин Марков решил, что было бы неплохо куда-то съездить. Куда-то, где есть волны, горы и кресло у воды. Чтобы и рядом, но не заливало – сиди и наслаждайся.

Волны действительно не доставали до кресел. И комендант теперь предпочитал встречаться в саду.

Письмо он выбросил, но гибель Клариссы открыла двери Общаги перед ведьмой и колдуном. Полина Сергеевна, разумеется в новом платье, завороженно наблюдала, как волна за волной останавливались в миллиметре от изумрудной ткани ее наряда. Леониду нравился соленый воздух. Морской соленый воздух.

Дарья застыла на входе. Комендант был не один. И Полину Сергеевну, и Леонида она уже встречала, правда, когда видела их в последний раз, те лежали в коме. Довольно странно, что она вообще поняла, кто это. Есть определенная разница между человеком голым и в коме и одетым в сознании.

Комендант работал. Общага делала все, чтобы его работа была эффективна. Кофе и крошечные круассаны были хороши.

– Вы не можете нас убить, – Полина Сергеевна, кажется, не столько говорила, сколько пыталась себя убедить.

– Пока нет. Вы мои гости, вы гости Общаги, а значит, вы в полной безопасности. Пока вы не нарушаете правил. К примеру, находитесь именно в той части Общаги, которую я определил. Пока это сад. Но у нас тут масса куда менее приятных комнат.

– Мы нарушаем правила. – Леонид снял туфли. Решил не только вдыхать море. – Как только нам становится выгодно, мы нарушаем.

Место для работы и неработы, о котором можно было только мечтать, Костя заполучил в доме, где серийные убийцы выделялись бы разве что своей ограниченностью. И сейчас ему было уютно и хорошо.

– Здесь правила – это не закон. Общага и есть правила, закон и его выполнение. Так это работает. Вы просто не сможете нанести вред никому. А нарушив правила – вы либо погибнете, либо будете наказаны, неотвратимо. Вы знаете значение слова «неотвратимо»?

– Они будут продолжать гибнуть. Неотвратимо, – Полине Сергеевне понравилось произносить это слово.

– Вас уже двое.

– В следующий раз мы будем осторожнее. – Леонид, подвернув брюки, зашел в море. Зажмурился от кайфа. – Водичка-то – теплая… А полиция будет приезжать все чаще, пока не окружит вашу Общагу блокпостами. Вашим постояльцам это не понравится.

– Что вы знаете о нас? – Константину стало интересно, они настолько глупы или настолько самоуверенны?

– Мы – мошки на шкуре носорога. – Полина Сергеевна потянулась за сумочкой и вытащила очки. – Нам нечем противостоять Общаге. Мы даже не можем мечтать поселиться у вас. Общага нас не примет. Но мы можем хитрить и вредить. И тут у нас есть шанс. Потому что мы будем заниматься только этим, а у вас полно других хлопот. Просто отдайте нам ее.

– Хитрить и вредить? – Константин приглашающе помахал Даше. – У меня гость, пусть посидит с нами?

Ходить по саду надо медленно. И младший следователь не торопилась присоединиться к компании. Если верить солнцу этого сада, где-то на юго-востоке застыл еще один участник беседы. От него не зависело ничего. Но только он был причиной этой встречи. Лихо.

Чудовище, очень похожее на худую высокую девушку с чересчур близко посаженными глазами. Если присмотреться, окажется, что у нее один огромный странный глаз. Но мозг упорно не хочет в это верить. Просто не очень симпатичная.

Не так давно комендант вычеркнул Лихо из книги. Если

бы она была человеком, то просто бы исчезла. Лихо все еще жила. Где-то на юго-восток от берега на высоте метров в сто. Снизу волны, сверху горы. Райское место. Сквозь стекло короба, в котором ни встать, ни лечь, только сидеть и смотреть на сад коменданта.

– Хочу вас познакомить. – В последнее время коменданту довольно редко доводилось сталкиваться с людьми. Странное чувство. Приехать на встречу одноклассников и обнаружить, что они слушают ту же музыку и, кажется, на кассетах, живут в тех же домах и все так же боятся родителей.

– Дарья Рыжикова, человек, который расследует преступления и наказывает убийц. Вы не против, если я введу ее в курс дела?

– Вы хотите ей помочь? – Полина Сергеевна точно была не за.

– Думаю, это точно не помощь. – Константин ободряюще улыбнулся ведьме. – Дарья, вы помните, не так давно три человека по неизвестным причинам впали в кому, а потом так же неожиданно пришли в себя?

– Да. Мы расследовали это дело. – Даша точно знала, что этой чашки кофе не было на столе, когда она подходила. Так же, как и то, что количество сливок, температура и даже сама чашка – точно были взяты из какого-то ее тайного сна об идеальном напитке. – Так ничего и не поняли. Может, какая-то болезнь?

– Видите – вон там, чуть выше водопада?

– Там кто-то сидит. – Зрение у Даши было хорошее, но она предпочла бы ошибаться. Человек в коробке – это странно. Это неприятно странно.

– Это не вполне человек, и это и есть причина всех событий, которые вы не поняли. Та самая болезнь. А мои гости Полина Сергеевна и Леонид хотели бы заполучить причину своих бед. Они хотят отомстить.

– Но в коме было трое. Студент, менеджер и учитель, кажется… – На «отомстить» Дарья не реагировала.

– Студента вы, вероятно, недавно видели. Кофе не разлейте, – Константин был сама вежливость. – Точнее, две его части, голову и…

– Я поняла.

– Оставшиеся двое перед вами. Им не понравилось, что их отправили в кому. Лихо так питается. Выбирает колдунов и ведьм. Это как-то связано с ее обменом веществ.

– Это не месть. – Несмотря на то что Леонид стоял спиной к компании и, казалось, решал вопрос, а не поплавать ли, если уж… а все равно как-то легко воспринимался тренером по личностному росту за большие деньги. Не разлучалось его тело с харизмой, хватало даже вида со спины. – Равновесие, вот что нам нужно. Иногда его называют справедливостью.

– Ну да. – Косте было смешно, но он держался. – Такое отдельно взятое равновесие, такая специальная справедливость для троих. То есть для двоих.

Короб с Лихо стартанул со своего места и застыл метрах в трех от кресел и столика. Коменданта несло:

– Равновесие? Оно никуда не денется, даже если вы просто исчезнете. Если исчезнет пара материков – равновесие не будет нарушено. Просто исчезнет старое и появится новое. Это не застывшие весы. Равновесие – всегда в движении. Но, возможно, вы думаете, что дело в вас? Вы же не просто люди, вы люди особенные. А может, вы думаете, что дело в чудовищах, которые тут живут?

Странный разговор странных людей. Константин бегал между застывшей в своем кресле Полиной Сергеевной и Леонидом, которого мельчайшая рябь на воде интересовала куда больше, чем монолог коменданта.

Дарья рассматривала Лихо. Модель чудовища в масштабе один к одному в прозрачной таре. Поза лотоса ей шла. В любой другой – ей было бы не вписаться в этот ящик. Младший следователь представила, как же пленнице хочется размять ноги.

– Знаете, это странно, но предел, до которого можете дойти вы или наши постояльцы, – это небольшой бизнес. Богатыми вы быть можете, но ничего существенного. Лишняя рука или способность колдовать мало что решают, если вы не наемный убийца или вор. А вот наша гостья – Дарья Рыжикова может стать кем угодно…

Все-таки Константин Марков – человек непростой. Он за-

метил, что его никто не слушает. Волна послушно перестала себя сдерживать и окатила Полину Сергеевну. Закатанные брюки не помогли Леониду. Повезло только младшему следователю. Она успела запрыгнуть в кресло с ногами.

– Завтра в то же время встретимся и все решим. – Короб с Лихом улетел на свое место, Константин окончил встречу, колдун и ведьма обнаружили себя у дверей в сад коменданта.

– Просто доставьте наш приз, и все закончится. – Леонид надеялся, что Костя его услышит. Услышал. Наклонился к Даше:

– Вы сможете мне помочь?

– Я – вам?

– А я познакомлю вас с крылатой женщиной.

– С одной я уже знакома.

– Эта живая, летает и не падает.

Глава четвертая
Апартаменты посуточно

Квартира Дарьи Рыжиковой была предсказуемо плоха, как только может быть ужасным место, расположившееся на пятом этаже пятиэтажного дома, без лифта, с видом из единственного окна, мечтавшего о стеклопакете, на стоянку мусоросборников с каким-то особенным свойством добивать своим запахом до пятого этажа. Прелести протекающей крыши и вообще протекающего всего – шли в пакете. Но у Даши была кровать. Единица мебели, которая не досталась ей вместе с бабушкиной квартирой, а купленная в странном порыве. Комната в результате смотрелась странно. Единственной целью посещения этих квадратных метров могло быть только попадание в кровать. Предназначением всей остальной мебели было – не дать реализоваться этой справедливой цели.

Костя представлял себе квартиру младшего следователя иначе. Он предполагал, что тут легко будет посидеть впятером. Полежать было бы комфортнее.

– Почему? – Костя не сдержался и продолжил: – Такая… выдающаяся кровать…

Даша покраснела.

– Тогда мне казалось…

– Хорошо. Попробуем немного подправить.

Стена, в которую кровать упиралась так, что в этом месте несущая конструкция слегка выгибалась, начала понемногу уходить из-под прессинга спального места. Несколько секунд, и кровать уже была не мощным мысом комнаты, а всего лишь островом, окруженным паркетом-елочкой.

– Уже лучше. – Костя удовлетворенно взгромоздился на стул. – Ждем гостей.

– Как вы это делаете? – В голове у Даши тут же возник план сдачи в аренду своей трехметровой кухни небольшой узбекской семье человек в двадцать.

– Работа такая. – Стена отошла еще дальше, а в зазоре проявился уже знакомый Даше куб. Со все так же восседающей особой.

– Она живая там?

– Да. – Костя внимательно осмотрел куб. Его больше беспокоила целостность куба. – Думаю, что да.

Конечно же, они опоздали. Конечно, не звонили, да и зачем, если дверь в квартиру Рыжиковой могла остановить кого-то, разве что удивив. Просто дерматин и картон? Так бывает?

И конечно же, их было не двое.

Бонус в виде пацанов, которые так и не узнали, что кожаные куртки уже не в моде. Вязаные шапочки, сползающие на глаза просто в силу впуклого лба. Традиционный ТТ. Конечно же, Калашников. Никакой магии. Сплошное огнестрель-

ное.

Довольно громко. Довольно долго. Константин ждал приблизительно этого.

Полина Сергеевна сегодня была в черном. Классика. Леонид соответствовал – черным смокингом. Вероятно, это имело отношение к восстанавливаемому равновесию.

Каждая из выпущенных пуль нашла цель. Цель не совпала с планируемой, но тут уж как повезет. Два стрелка превратились в два трупа, и младший следователь снова удивилась тому, насколько она научилась не реагировать ни на что. Тело человека с множеством огнестрельных ран смотрится плохо. Даже если это тело в кожаной куртке.

– Все должно было получиться. – Леонид потянулся за своим мечом. – Как? Это же просто квартира, мы все проверили.

– Спасибо, что пришли. С мебелью и дверью нехорошо получилось, – Константин пригляделся к кровати. Гордостью квартиры она уже не была. Разве что матрац.

Полина Сергеевна ни за что не хваталась, а просто пыталась отступить. Что-то ей мешало. То ли воздух уплотнился, то ли ноги забыли, как это – ходить спиной вперед.

– Вы же только комендант. Вы не можете ничего такого, – просипела Полина.

– Это не я.

Ведьма повернулась к Дарье.

– Нет, ну что вы. Дарья просто на время предоставила свое

помещение Общаге. Сдала в аренду. Теперь эта квартира – часть Общаги. А никто не может повредить коменданту и тем, кто у него под защитой, пока он в Общаге. Я же вас предупреждал. Это то место, где правила выполняются всегда.

– Тогда, за исключением некоего вреда мебели и… – Леонид явно пытался как-то назвать стрелков, но все не мог подобрать правильный термин, – этих двух, мы находимся на все тех же позициях. Вы же не можете нам навредить. Раз мы гости.

– Конечно. – Константин отступил за куб с Лихом, потянул за собой Дарью. – Вредить не могу. Но могу выбрать, какой номер вам занять. Я же комендант.

Легкий на грани слышимости звук – будто кто-то выдохнул, раз и еще раз, – ведьма и колдун исчезли, чтобы материализоваться рядом с Лихом. Ее куб перестал быть кубом. Растянулся вширь, чтобы вместить еще двоих. Троица смотрелась забавно.

– Новые апартаменты, – всхлипнула Даша.

– В тесноте и в обиде. – Константин обошел еле вписавшееся в комнату вместилище. Задержался перед Лихом… И отдал честь. – Нам стоит прогуляться, тут сейчас может стать некомфортно.

– Сейчас-то все замечательно… Вы ей честь отдали? – Даша пыталась понять, как она будет выкручиваться из ситуации с двумя трупами и тремя немертвыми в таре. – Интересно, а после прогулки мы вернемся, и все будет так, будто

ничего и не было?

– Не думаю. А про честь… Я не знал, как ее предупредить. Ничего больше в голову не пришло. – Константин закрыл входную дверь. Чем хороша Дашина квартира, так это тем, что выбраться из нее можно быстро. Сейчас Косте очень не хватало какого-нибудь стула, которым герои боевиков и даже простые домохозяйки так ловко подпирали двери в фильмах. – Но если мы окажемся достаточно далеко, когда все произойдет…

– Что-то еще произойдет?

Костя, не выпуская руки Даши, свернул за угол. Дом старый, с толстыми стенами, такой и обстрел выдержит чем-нибудь крупнокалиберным, должно хватить.

– Сейчас произойдет нечто, при этом не знаю, как именно это случится, но других вариантов я не придумал. Дарья Рыжикова, вы не против разорвать наш договор? Общага больше не нуждается в аренде вашей жилплощади.

– Я – за. Это что-то значит?

Ничего не случилось. Ни взрывов, ни всполохов, даже легкий сквознячок не обозначил себя. Совсем тихо.

– Спасибо, комендант, – материализовавшись между Дашей и комендантом, Лихо наклонилась, чтобы ее единственный глаз оказался на одном уровне с Костиной парой. То ли прошла сквозь стену, то ли… Судя по плащу болотного цвета и брезентовой сумке через плечо, Лихо успела еще и в магазин заскочить.

– Меня Даша зовут. – Младший следователь уверенно протянула свою ладошку для пожатия.

– Иногда мне нравится, чтобы меня называли Лиза. Пойдет? – Лихо решительно обхватила предложенную кисть. – Будь осторожна с комендантом. Он только кажется таким тихоней.

– А на самом деле?

– Он странный. Он очень странный. – Лихо, или Лиза, как кому нравится, вдруг обняла Дашу, будто все время, сидя в ящике, только об этом и мечтала. И исчезла. Даша зажмурила глаза, открыла – никого не было, легче всего было решить, что никто не появлялся и никто не исчезал.

– Мы расторгли договор, – странный Константин Марков, комендант Общаги, решил поговорить вслух, авось Даша, все еще пытающаяся решить – спит она или ей просто все мерещится, услышит и поймет. – И ваша квартира стала просто квартирой. И ее гостей никто не защищал и не удерживал. Лихо, Полина Сергеевна и Леонид оказались свободны и ничем не ограничены. Шансов у ведьмы и колдуна не было.

– Она их убила? А вас не тронула. И даже спасибо сказала… – Даша закатила глаза. – Вы ее предупредили, вот почему честь отдавали, и теперь…

– Вернемся посмотрим?

– Да. Это все еще моя квартира. Вдруг в ней можно будет жить когда-нибудь. Через пару лет ремонта и дезинфекции. Хотя бы оценим ущерб.

Как-то Лихо это сделала. Вероятно, так чисто в этой квартире не было никогда. Трупы исчезли. Мебель либо заменили точно такой же, либо она регенерировала. Общую картину – не может быть, как все здорово, – нарушали два тела. Разумеется, на кровати. Полина Сергеевна и Леонид. С пульсом и дыханием. И всё. Кажется, снова в коме. Константин еще раз прикоснулся к шее колдуна. Ему явно хотелось не касаться, а подержаться.

– Пытаюсь понять, есть ли в этой ситуации некая глобальная справедливость. Лихо, она вообще ужасная.

– Нет. – Дашу интересовали вовсе не тела.

– Почему?

– Раньше у меня было одно окно и никаких балконов.

Не в каждой квартире есть два окна, выходящих на одну сторону, причем за каждым – разные виды. Помойка никуда не делась. Но из второго окна был вид на сад коменданта.

– Знаешь, это не балкон. – Константин приоткрыл дверь и втянул в себя такой знакомый соленый воздух. – Кажется, у моего сада появился еще один вход.

* * *

Старший врач смены госпиталя МВД Максим Терентьев решил, что это ветер заставляет ветки деревьев стучать в стекло. Пока не вспомнил, что он сейчас на седьмом этаже.

Дверь в палату открылась, и только временное отключение головного мозга помешало врачу тут же ее закрыть.

Зайди врач в палату на минуту позже, он бы просто удивился, куда делись пациенты. Не выходя из комы. Закрыл бы окна и вызвал полицию.

Увы. Старший врач увидел, как две довольно крупные женщины вытаскивают в окно тела. Женщины были голыми и крылатыми. Терентьев отчетливо увидел свое будущее: мягкие стены, двери с вынимающимися ручками и рубахи с длинными рукавами.

Старший следователь Василий Николаевич Петровский был странно удовлетворен. Дело приобрело некую завершенность. Все началось и закончилось крылатыми женщинами. Одной – мертвой и двумя в галлюцинации врача. Вероятно, у Петровского было гипертрофированное чувство прекрасного.

Надежда Гамильнот, Александр Подольский Тени Петербурга

Гаражи стояли на небольшом пригорке вдоль железной дороги и выглядели так, словно хозяева тут не показывались с прошлого века. Продавленные крыши, ржавые ворота, сбитые замки, пожирающий все бурьян… Саша сомневался, что эти древние жестяные коробки на окраине города хоть кому-то нужны. Странно, что их еще не утилизировали. Но пока этого не произошло, нужно было пользоваться моментом.

Саша стянул респиратор и отошел на пару метров от стенки гаража, осматривая граффити. Два черных силуэта – мужчина и женщина – держались за руки и прятались от дождя под большим зонтом. Только вместо капель воды с неба на них падали птицы.

– Опять чудиков своих черноголовых намалевал, – с улыбкой сказал подошедший Виталик. – Но вообще прикольно, зачет.

– Сам ты чудик. Но вообще спасибо.

Саша использовал только черную краску. Его работы поначалу казались примитивными: люди, животные, здания и вообще все на них было изображено этакими тенями, но их проработке многие бы позавидовали. Меняя кэпы на бал-

лончике, Саша скрупулезно выводил каждый контур. Узнаваемые силуэты петербургских зданий, черты взрослых и детских лиц, звериная шерсть, птичье оперение – его тени были фактурными, живыми. Саша будто делал слепки реальности, закрашивал их черным и встраивал в свои сюжеты. И в городе потихоньку начали узнавать его стиль.

За спиной загрохотала электричка, и на шум тут же отозвались небеса. Саша поднял голову и посмотрел на набухающие низкие тучи. В лицо дул холодный ветер. Вокруг пахло свежей краской и палой листвой.

– Валить надо, а то дождь щас долбанет, – сказал Виталик.

Саша кивнул. С утра по дороге в институт он продрог до костей, днем на солнышке была жара – в какой-то момент они с Виталиком даже скинули куртки и красили в одних футболках, – а сейчас за считаные минуты все затянуло серой пленкой, того и гляди ливанет. Типичный Питер, к которому Саша так и не привык до конца.

Они побросали вещи в рюкзаки и мимо разрисованных гаражей двинулись в сторону автобусной остановки. Нечитаемые надписи тут соседствовали с корявым «Зенит чемпион!», но были и их граффити. Саша проходил рядом с собственными работами и будто здоровался со старыми знакомыми. Люди-тени никуда не делись, просто выцвели со временем. Женщина кисточкой красила детские качели, а черные капли собирались в луже у ее ног. Старушка с книгой спускалась по лестнице вслед за отрядом кошек. Мужчина

стоял на краю крыши, а в вихре снежинок над ним проступало бородатое лицо.

– Вот это я понимаю – искусство! – сказал Виталик, показывая на пестро разукрашенный гараж, над которым сегодня трудился. – Не то что черно-белая мазня, как у некоторых, да?

– Ага. Как будто кто-то радугой блеванул на стену.

– Это концепция такая. Ты просто не шаришь.

– Да куда уж мне.

– Во-во. Дилетант. Но я сделаю из тебя нормального райтера. Тоже будешь такие шедевры клепать.

Саша пихнул друга в плечо, они обменялись улыбками. Усилившийся ветер чуть подтолкнул в спину и отправился терзать пожухлую траву. Издалека, от железнодорожной станции, прилетело эхо объявления о прибытии поезда.

Быстро стемнело. Тучи то и дело вспыхивали изнутри, небо ворчало, но пока не решалось полить землю как следует.

Остановка была пустой. Стоящий рядом фонарь брызгал на нее тусклым светом, у лампы кружилась мошкара. Из урны вился легкий дымок.

Виталик проверил расписание в телефоне и доложил, что автобус приедет только через пятнадцать минут. Саша не расстроился: он никуда не спешил. Дома его ждала тетя Галя с доставшими нравоучениями и расспросами про учебу. Раньше, когда они виделись от силы пару раз в год, тетя не

производила впечатления помешанной на контроле и заботе, но после аварии многое изменилось. Да что там многое – все.

Это произошло три года назад в родном Череповце. Саша с родителями и младшей сестрой Маринкой ехали в гости к друзьям на шашлыки. Погода была хорошая, дорога – тоже, настроение у всех – лучше не бывает. И тут прямо под колеса их «опеля» выскочила собака. А может, кошка, – Саша тогда толком ничего не понял. Сидевший за рулем отец резко выкрутил руль и совладать с управлением уже не смог. Машина вылетела на тротуар и, сбив урну, на всем ходу врезалась в столб.

Мама умерла сразу, папа протянул еще день в больнице. Саша с Маринкой отделались переломами и ушибами, но с того момента детство для них закончилось. Взрослая жизнь наступила слишком быстро, болезненно и без предупреждения.

Тетя Галя, родная мамина сестра, перевезла Сашу с Маринкой к себе в Петербург, благо жила одна – не считая кота Коржика, – и места в квартире у нее хватало. Тут-то и выяснилось, что навалившаяся ответственность превратила тетю в матушку-наседку. Туда не ходи, с теми не дружи, будь дома до темноты и всегда оставайся на связи. Звонила она едва ли не каждый час, а уж когда Саша впервые загремел в полицию из-за увлечения стрит-артом…

Ветер прикатил к ногам пустую пивную бутылку. Виталик поднял ее, отправил в урну и посмотрел на Сашу с таким ви-

дом, словно только что спас мировой океан от загрязнения. И это как минимум.

Но Саша смотрел не на друга, а на его тень. Та, как и полагается, повторяла все за хозяином, но иногда будто не успевала за ним. Саша мог поклясться, что видит это секундное промедление, эти чуть запоздалые движения фантомного двойника на асфальте.

Он не мог точно сказать, когда это началось. Просто в какой-то момент Саша стал видеть тени иначе. В детстве ему было интересней следить не за играющими друзьями, а за тем, как двигаются их черные копии. И уже тогда он замечал, что порой тени живут своей жизнью.

Его первые рисунки, сделанные черной гуашью, копировали тени людей. Они привели родителей в полнейший восторг. «Мой сын, – хвастался папа, чертежник-конструктор, перед всеми, кто заглядывал к ним в гости. – Как линию ведет, а? Подрастет и родного папку переплюнет. Твердая рука, это у нас семейное». И все-таки в тот роковой день, который Саша то и дело проигрывал в голове, руки отца дрогнули, и родители теперь – всего лишь воспоминания, призраки на фотографиях. Этого не должно было случиться. Только не с его отцом.

Рисуя граффити, Саша с головой погружался в прошлое, а мир вновь становился радостным и беззаботным. Но стоило, как сейчас, закончить работу и замереть в ожидании автобуса – и тоска по родным накатывала с новой силой, и хотелось

кричать от боли и несправедливости и ненавидеть судьбу за то, что она сделала с его семьей.

– А вот и наш едет, – жизнерадостный голос Виталика выдернул Сашу из мрачных воспоминаний. – Братан, а давай на выходных обход устроим? Я камеру у Пашки стрельну, сфоткаем наши работы и выложим в том звездатом паблике…

– Райтеры Питера?

– Ну. Пора уже по полной программе заявить о себе. Мы с тобой не нубы какие-то, устроим движуху, че думаешь? Прославимся, круче Бэнкси станем. Главное, координаты подкинуть, чтоб каждый желающий мог прикоснуться к нашим шедеврам. Художников должны знать в лицо.

– Круче Бэнкси только Бэнкси, – усмехнулся Саша, вместе с другом запрыгивая в автобус. – Но идея мне нравится. Завтра с утра звони своему Пашке.

– По рукам.

Автобус неторопливо ехал в сторону дома, а Саша стоял, прислонившись лбом к стеклу. Вовремя успели. Снаружи ливануло так, что ни дороги, ни очертаний зданий видно не было. Только сырая темнота и едва заметные пятна фонарного света вдоль обочины.

Прикрыв глаза, Саша тряхнул головой. Дождь – это хорошо. В такую погоду тени почти не показываются. Можно не вглядываться в них, не искать несоответствий. И не думать о том, что сходишь с ума.

* * *

– Сашка!

Сестра кинулась ему на шею, стоило распахнуть дверь в комнату.

– Тихо ты. Тетю Галю разбудишь.

Десятилетняя егоза только хихикнула, не отходя от брата ни на шаг. При взгляде на нее у Саши привычно екнуло сердце. Если он сам походил на отца – бледный, светлоглазый и русоволосый, то Маринка была вылитая мама – черноокая, со смоляными кудрявыми волосами и смуглой кожей: посторонние удивлялись, узнав, что они брат и сестра. А уж когда Маринка улыбалась, ему так и вовсе хотелось на стенку лезть и волком выть – до того поразительным было сходство. Но любил он мелкую до безумия.

– Как в школе?

– Сегодня одни пятерки!

Саша поднял большой палец вверх, скинул рюкзак и запихнул его под кровать – подальше, к самой стене. Не хотелось, чтобы тетка нашла баллончики. Он уже не помнил, сколько раз обещал ей завязать с этим, по ее выражению, пагубным делом, но говорил это просто так, чтобы она отвязалась. И почти все деньги с редких подработок спускал на райтерские прибамбасы.

Словно услышав его мысли, тетя Галя без стука вошла в

комнату. Она была худая и дерганая, от запаха ее духов слезились глаза, а одевалась тетя так, будто до сих пор жила в Советском Союзе.

– Где ты был, Саша?

– Гулял, – ответил он, присев на кровать. – Что-то случилось?

– У тебя куртка в краске.

Только сейчас Саша заметил, что тетя держит в руках его куртку, как полицейский улику. Это злило. Служителей закона ему хватало на улице.

– Ты же обещал, – завела тетя привычную пластинку. – Ты не в Череповце, а в Петербурге, это культурная столица. Подумать только, у меня, заслуженного педагога и замдиректора школы, такой непутевый племянник. Ты подвергаешь риску не только себя, но и нас.

– Каким же образом? – огрызнулся Саша, старательно отводя взгляд.

– Таким, что тебя могут увидеть соседи! Грязного, измазанного, пахнущего краской. И что они подумают? А если тебя поймает полиция, опять я пойду разбираться?

Привлеченный голосами, в комнату прибежал Коржик. Откормленный рыжий котяра уселся на ковре недалеко от хозяйки и с любопытством наблюдал за разговором.

– Не надо ни с кем разбираться, – сказал Саша. – Мы с друзьями гуляли, и все.

Тетя Галя подошла вплотную и кинула куртку ему в руки:

– Не ври мне! Я тебя как облупленного знаю. И где ты на этот раз спрятал свои краски, а? Выкину к чертовой матери!

Маринка всхлипнула и прижалась к брату, детские пальчики сжали его ладонь. Саша перевел взгляд на отбрасываемую теткой тень, и ему стало не по себе. Голова закружилась, навалились новые ощущения. Саше на миг показалось, что ему передалось настроение тени: что это она, а не тетя хочет скандала. Выгоняет Сашу и опасается его сестры, потому что чувствует… что? Угрозу? Нет, нет, что за бредовые мысли лезут ему в голову. Тени – это просто тени.

– Марина, уйди на кухню! Ты сейчас мешаешь.

– Она никогда не мешает! – повысил голос Саша. – Это я тут, похоже, мешаю.

Надев куртку, он занырнул под кровать и достал рюкзак. Не обращая внимания на застывшую в возмущении тетку, направился к двери.

– Саша, а ну стой! Вернись немедленно! Я пожилая женщина, и я волнуюсь… Ты ведешь себя отвратительно!

Обернувшись, Саша не выдержал и еще раз посмотрел на тень родственницы. В отличие от хозяйки, она испытывала не тревогу, а облегчение. Саша чувствовал это нутром, хотя с каждой секундой ощущение ослабевало.

– Как не стыдно, взрослый же парень! Что бы подумали твои родители? – В ход пошла тяжелая артиллерия. Но отчего-то сейчас это ни капли не ранило.

– Мои родители гордились бы мной, тетя Галя. Только вот

они мертвы.

Тетя Галя начала было что-то говорить, но запнулась. Так и стояла в коридоре, молча глядя на то, как Саша шнурует ботинки. У ее ног вился Коржик, намекая, что неплохо бы подкрепиться.

Саша цапнул ключи с полки и вылетел из квартиры. Сбегая по лестнице, чуть не врезался в соседку Тамару, и плевать с высокой колокольни, что она подумала, увидев его в изгвазданной одежде.

* * *

Ночной Петербург пылал электрическими огнями. Темноту тут и там прорезал свет фонарей, вывесок, окон и фар, а с угольно-черного неба сыпал дождь, без которого невозможно представить этот город. Прохожих на улице почти не было.

Накинув капюшон, Саша шагал вдоль домов и магазинов, набережных и мостов. Мимо львов и грифонов, к чьим теням лучше было не приглядываться. Он удалялся от центра, потому что сейчас хотел быть только в одном месте.

Телефон зажужжал, и Саша в очередной раз сбросил вызов от тети. Когда она уже поймет, что он не маленький ребенок? Когда перестанет раздражать своей чрезмерной опекой?

«Когда ты начнешь вести себя как взрослый», – мелькнула

в голове предательская мысль.

Саша поморщился, стер с лица холодные капли дождя. В глубине души он понимал, что поступает неправильно. Ну в самом деле, куда он выперся на ночь глядя в такую погоду? Тетя ведь действительно волнуется и, скорее всего, не ляжет спать до его возвращения. И Маринка будет нервничать. Старший брат, блин. Пример для подражания.

Но Саша никак не мог смириться с тем, что тетя против его увлечения. Да и не увлечение это уже было, а сама жизнь. Только на улице с баллончиком краски в руке он чувствовал себя важным, нужным. Только здесь он был настоящим. А просиживание штанов на скучных институтских парах и культурные беседы за семейным ужином – это не его.

Он отправил тете сообщение: «Извини. Я скоро приду». Пошарил по карманам и понял, что денег как раз хватит на такси до дома. Но сперва нужно было кое-кого навестить. Саша почти пришел.

Неприметными двориками под взором темных окон он пробирался в глубину района. Дождь кончился, и тишину вокруг нарушали только Сашины шаги. Яичным желтком в лужах отражалась луна. Пахло сыростью и болотной тиной.

У мусорных контейнеров копошился облезлый пес. Он на секунду отвлекся от своего занятия, лениво гавкнул на припозднившегося прохожего и продолжил потрошить пакет с отходами. Саше показалось, что собачья тень вильнула хвостом.

Наконец он вышел к старому дому с аркой. Облупившиеся стены, канализационный люк в бугристом асфальте, обклеенный объявлениями водосток – это место ничем не отличалось от тысяч подобных, но для Саши было особенным. Он оглянулся по сторонам, машинально подтянул лямки рюкзака и шагнул в туннель, освещаемый единственной лампой.

– Привет, мам. Привет, пап, – тихонько сказал Саша. – Простите, что давно не заглядывал.

Это было одно из первых его граффити. Пара черных силуэтов в профиль: крепкий мужчина прижимает к себе женщину с развевающимися волосами. Никаких больше деталей – просто две тени, отпечатавшиеся на кирпичной кладке. Но в этих образах – в их контурах, в положении рук и наклонах голов – была какая-то магия. Саша и сам не понял, как так получилось. Он иногда встречал в Сети фотографии этого граффити, и в комментариях писали о незримой «химии» между персонажами. И для него не было похвалы лучше.

– Представляете, мы с тетей Галей сегодня опять…

Слова застряли в горле. Свет лампы едва добирался до граффити, поэтому Саша не сразу заметил, что родители не одни. Он достал из рюкзака фонарик и включил его:

– Что за хрень…

В полуметре от родителей был изображен такой же черный силуэт, только искривленный, неправильный. Вытянутые руки, ноги, чудовищно длинные пальцы с загнутыми когтями, а вместо человеческой головы – волчья, с непропорци-

онально большой пастью. Проработка была отличной, словно сам Саша рисовал. Да что там – эта работа была неотличима от Сашиных.

Луч фонарика скользил по изменившемуся граффити. Чужих тегов не было – Саша высветил только свой. Получается, кто-то пришел сюда и дорисовал это страшилище, не оставив авторской подписи. Но для чего? Просто чтобы испоганить его работу?

У него бывали стычки с местными райтерами, куда ж без этого. Сообщество не отличалось дружелюбием, особенно по отношению к новичкам. В центр города вообще лучше было не соваться: там красили только мастера, неизвестно кем провозглашенная элита. Вот и приходилось довольствоваться глухими дворами, спальными районами, промзонами и прочими малолюдными местами.

Но уличный кодекс никто не отменял: райтеры не закрашивали чужие граффити, не портили их. И не дорисовывали персонажей, копируя стиль автора.

Наверху загудела лампа, вспыхнула ярче, и в туннеле колыхнулись тени. Саша протолкнул в горло ком. Еще раз высветил на стене монстра и отшатнулся. Тот стал ближе к родителям.

Иногда Саша всерьез думал, что у него поехала крыша. А как еще объяснить то, что с ним происходило? Вернее, не с ним, а с тенями вокруг. Причем с каждым годом ситуация становилась хуже. Дошло до того, что он перестал узна-

вать собственную тень. Иногда она будто не слушалась, хотела сбежать, отклеиться от него. Летом на Невском у горящего красным светофора тень резко качнулась вперед, прямо на проезжую часть, и Саша сам рефлекторно чуть не шагнул следом, остановившись в последний момент. «Показалось, – решил он тогда. – Голову напекло». Но слишком много такого «показалось» стало в его жизни.

А теперь еще и это… Мог ли он сам дорисовать чудище и забыть? Или у него появился подражатель?

Ход мыслей прервал громкий хлопок. Лампочка взорвалась, осыпая Сашу осколками. Туннель погрузился в темноту: только луч фонарика метался от стены к стене. И тогда Саша услышал шепот.

Чудилось, что звуки идут отовсюду. Слов разобрать было нельзя. Под ботинком хрустнуло стекло, и Саша чуть не подскочил на месте. Сердце пробивало себе путь из грудной клетки, в ушах гудело.

– Кто здесь? – спросил Саша у темноты, и ему ответило призрачное многоголосье.

Саша судорожно водил фонариком по сторонам, а за пределами пучка света шевелился мрак. На стенах мелькали надписи и рисунки: «Цой жив», «Алиса», «В Питере пить», когтистые пальцы, тянущиеся к родителям… Шепот становился громче.

Рука дрогнула, и Саша едва не выронил фонарик. Снова направив луч света на граффити, он увидел, как то меняется.

Силуэты слились в одно большое черное пятно, и неизвестный художник, будто макнув туда кисть, начал рисовать.

Чернота на стене приобрела контуры пустыря, посреди которого вырастал дом. Дом вытягивался и распухал на глазах, словно живой. Невозможно было подсчитать количество этажей: оно постоянно менялось, причем этажи уходили даже под землю. Рядом со входом бродили причудливые фигуры. А потом фонарик моргнул и все вернулось на свои места. Будто и не было только что этого театра теней. На стене остались силуэты папы, мамы и существа с волчьей мордой.

– Кто ты? – спросил Саша, но на этот раз тьма не ответила.

* * *

Дни до субботы пролетели, как в тревожном сне. Нарисованная рядом с родителями тень не выходила у Саши из головы. Если раньше визит к любимому граффити приносил спокойствие и наполнял энергией, то теперь в мыслях творился полный кавардак. В пятницу Саша сбежал с пар пораньше и, завалившись в постель, моментально уснул. Но всю ночь его мучили кошмары – длинные пальцы нарисованного чудовища сжимали горло отца, а тень матери рыдала черными слезами, оставляя на стене безобразные разводы.

– Забухал, что ли? – вместо приветствия присвистнул Виталик, когда Саша подошел к условленному месту. – Ну и видок у тебя, краше в гроб кладут. Поосторожнее с этим, бра-

тан. В нашем деле твердая рука – больше половины успеха.

Твердая рука… Усилием воли отогнав неприятные воспоминания, Саша ответил:

– Все в порядке. Просто спалось плохо. Камеру достал?

– А то, – друг самодовольно похлопал по сумке, перекинутой через плечо: – Ну че, готов к славе? Толпа поклонниц – и все наши.

Саша усмехнулся:

– Веди давай, сказочник.

Спустившись в метро, они сделали пересадку на синюю ветку и доехали до «Удельной». Северный район встретил их ледяным ветром, и Саша, поежившись, засунул руки в карманы.

По традиции они сперва побродили по шумящему блошиному рынку. Виталик был тем еще барахольщиком и с пустыми руками отсюда не уходил. Видеокассеты, ржавые значки, оторванные головы резиновых пупсов – его интересовал любой хлам. Но на этот раз он нашел кое-что действительно полезное и не пожалел денег на старый пейнтбольный маркер с двумя упаковками разноцветных шаров в комплекте.

– Ну все, теперь я буду прямо-таки выстреливать шедеврами, – сказал сияющий друг. – Обо мне начнут слагать легенды.

– И звать тебя будут Виталик-скорострел.

– Поосторожнее с шуточками, я так-то теперь вооружен.

Улыбаясь, друзья вышли к Удельному парку, а потом и к

цели своего визита – заброшенному ресторану «Охотничий домик», который больше походил на старинную усадьбу. Его открыли в середине прошлого века, в девяностых там заседали бандюки, а после пожара в 2010 году власти затеяли реставрацию, но в итоге плюнули на это дело.

Проскочив через дыру в заборе, Виталик расчехлил фотоаппарат. С колонны у входа на него смотрело вырвиглазное изображение торчка-растамана. «Одна из лучших моих работ», – любил прихвастнуть друг. Вот и сейчас не утерпел, прищелкнул языком:

– Хорош, да?

– Ага. На тебя чем-то похож.

– Иди в пень, – беззлобно ответил Виталик и сделал парочку снимков с разных ракурсов. – Тебе до такого расти и расти, салага.

Обогнув здание и запечатлев еще несколько граффити, они вошли в ресторан. Лучи фонариков вспороли темные внутренности заброшки. Под ногами хрустели мелкие камни, кое-где валялись шприцы, бутылки и окурки. Саша продвинулся по грязному коридору и замер, прислушиваясь. Отчего-то возникло чувство опасности. Показалось, что тени сгустились, будто кто-то наблюдает из темноты за незваными гостями.

– Есть кто? – крикнул он.

– Хорош уже, – сказал Виталик. – Бомжей разбудишь.

Хмыкнув, Саша направился вдоль разрисованной стены.

Здание медленно разрушалось, став пристанищем всевозможной публики, к которой принадлежали и райтеры. Надписи бежали по стенам, свет фонариков то и дело вылавливал знаки, буквы, причудливые узоры. Заброшенный ресторан пестрел рисунками, словно покрытое татуировками тело.

Пройдя чуть дальше, Саша выключил фонарик. Здесь было светло – из двух окон-пастей в помещение втекал серый питерский день, и граффити на стене сразу притянули взгляды. Слева Саша изобразил сгорбленного киномеханика, из проектора которого льется черный свет. Справа – бабку, толкающую ребенка в озеро. В этих граффити таилось нечто тревожное, но холодок по спине Саши пробежал не из-за знакомых изображений.

– Ого! – воскликнул Виталик. – Когда успел? Я думал, ты без меня сюда ни ногой.

Неизвестный подражатель побывал и здесь. За спиной старика появился кинозал с сидящими в креслах людьми, а из озера поднялись толстые щупальца.

– Это не я.

– Хорош заливать. Думаешь, я твой стиль не узнаю? Если хотел сделать сюрприз, то у тебя получилось.

Саша подпер спиной стену и вытер испарину со лба. Его подташнивало. Кошмар, начавшийся с граффити родителей, и не думал заканчиваться. Чувство было такое, словно кто-то одним ударом выбил почву из-под ног. Радовало только,

что Виталик видит то же самое.

Сплюнув и подтянув лямки рюкзака, Саша сказал:

– Без дураков, Виталик. Это не я. Либо кто-то намеренно портит мои рисунки, либо…

Продолжать он не стал. Рой суматошных мыслей в голове запутывал и пугал, но одно было ясно как божий день: дело плохо.

Виталик сделал серию снимков и убрал фотоаппарат в сумку. Мазнул пальцем по кинозалу на стене:

– Сань, краска ни фига не свежая. Да и стерлась уже местами. Такое ощущение, что все в один день нарисовано.

– Чертовщина какая-то.

– Не ссы, братан, разберемся. Поехали в «Анархию». Проверим другие граффити, а заодно у тамошней публики поспрашиваем, может, народ чего слыхал.

Примерно через час они добрались до места, которое негласно принадлежало райтерам Питера. Здесь, вдали от шумного центра города, схоронилось скопление заброшек, и любой более-менее серьезный уличный художник хоть раз, да оставил на стенах рассыпающихся от времени зданий свой тег. В «Анархии» всегда было шумно, пахло свежей краской, и драки вспыхивали тут чаще, чем где-либо еще.

Первым делом они свернули к своим работам, и Саша заскрипел зубами от злости. Граффити изменились. Рядом с его героями со стен смотрели неизвестные черные силуэты – мужчины, женщины, старики, дети. Целая армия теней. Бы-

ли среди них и кривые антропоморфные фигуры с обрубленными частями тела, и совсем уж странные, будто склеенные из людей и животных. И знакомая тварь с длинными пальцами-крючьями тоже была.

– Вот это жуть, – сказал Виталик. – Ночью увидишь – обделаешься.

Происходящее казалось сном, выдумкой больного воображения. Дурнота накатила с новой силой. Саша стал спускаться по разбитой лестнице, как вдруг собственная тень дернула его влево – к провалу, на дне которого торчали прутья арматуры. Саша уперся ботинками в пол, удержал равновесие. Подался всем телом назад. Тень продолжала тянуть – Саша физически ощущал ее прикосновение. Но вместо растерянности в нем уже просыпалась злость.

Саша до хруста в пальцах сжал кулаки, и фантомная хватка ослабла. Тень съежилась, заметалась на лестнице. Саша смотрел на нее и мысленно рвал в клочья, ломал, деформировал. Пока не понял, что полностью ее контролирует. Тень подчинилась.

– Ты чего тут танцы танцуешь? – спросил Виталик, который и не понял, что произошло.

Саша хотел было что-то сказать, но его прервал окрик со стороны:

– Эй, анархисты!

К ним неторопливо приблизилась троица райтеров. Говорил вожак – поджарый парень с выкрашенными в ядови-

то-зеленый цвет волосами. В ушах – туннели, нижняя губа проколота с обеих сторон. Окинув Сашу с Виталиком быстрым взглядом, он кивнул на граффити и спросил:

– Чьи работы?

– Мои, – ответил Саша после паузы, выходя вперед.

Он был начеку – от незнакомцев здесь можно ожидать чего угодно.

– А круто сделано. Я – Допинг, слышал, да?

Саша чуть расслабился и с уважением кивнул. Виталик присвистнул за спиной. Граффити Допинга встречались по всему городу, и была в них какая-то безуминка. Места он выбирал соответствующие: самой известной его работой был жирный Ктулху на гранитной стенке Адмиралтейского канала. Рассказывали, что Допинг вооружился баллончиками с краской и целую ночь провел в надувной лодке. Его творения врезались в память, становились неотъемлемой частью твоего подсознания. Саша с Виталиком часто обсуждали этого Допинга, а вот познакомиться удалось только сейчас.

– Я твои вещи давно заприметил. Таким, как мы, сам черт помогает, да? – Допинг загоготал. – А этот мрачняк прям как специально для Страшной Общаги. Еще не пробовал ее разукрасить?

Саша с Виталиком переглянулись. Это была одна из тех баек, которые всегда на слуху в уличной тусовке. Говорили, что оставить граффити на стене Общаги невозможно, по-

этому каждый уважающий себя райтер должен попробовать. Тот, у кого получится, станет кем-то вроде царя питерского стрит-арта, а неудачники навсегда сгинут в окрестностях Общаги. Несколько человек там якобы уже пропали или вернулись оттуда не в своем уме. Короче, очередная городская легенда.

Страшные истории про Общагу, как и положено, не сопровождались указанием координат. Саша сомневался, что это зловещее здание вообще существует. Все-таки фольклор есть фольклор.

– А ты адресок подкинь, – влез в разговор Виталик, – мы и попробуем.

– Уверен? В штанишки не наложите?

Допинг бросил это небрежно и даже как-то насмешливо, но вызов был принят моментально. Виталик достал из рюкзака маркер, прижал его к себе и с максимальной серьезностью в голосе сказал:

– Это пусть общажники кладут в штанишки. Потому что, если мы выйдем на охоту, патронов хватит на всех.

Спустя пару секунд тишины прыснул от смеха Саша. Тут же подключились и остальные, а громче всех гоготал Допинг. Контакт был налажен.

Ребята познакомились уже по-нормальному, перешучиваясь, пока Допинг рисовал карту. Он сказал, что пару раз ему удавалось оставить на Общаге свой тэг, но вот засада: доказывающие это фотографии просто-напросто не открыва-

лись ни на его «зеркалке», ни на телефоне, ни на компьютере. А стоило прийти к Общаге снова, как стена была девственно-чистой. Граффити словно языком слизнуло.

– Что ж на всю ночь не остался? – удивился Виталик. – Засек бы и поймал того, кто стирает, – делов-то!

– А ночью, – посерьезнел вдруг Допинг, протягивая карту, – там лучше не показываться.

* * *

На пустырь, где стояла Общага, они вышли ближе к вечеру. Небо хмурилось, но не проливало ни слезинки. Ледяной ветер залезал под куртки, хватал за носы, холодил ладони и пробирал до костей. Виталик подкашливал, пряча лицо в оранжевом шарфе. Саша чувствовал себя не лучше, в носу уже предательски хлюпало, но упрямства друзьям было не занимать.

Перед уходом Саша расспросил новых знакомых о подражателе, и те с уверенностью сказали, что слышат о подобном человеке впервые. Допинг даже предположил, что Саша сам доделал граффити, обкурившись. «Со мной такое бывало пару раз», – со смехом признался он. Только Сашу это ни капли не утешило, и всю дорогу он молчал, погруженный в невеселые мысли.

Сейчас же Саша во все глаза смотрел перед собой, ощущая, как сердце, замерев на мгновение, начинает биться с

удвоенной силой. Перед глазами встала недавняя ночь, побег из дома, силуэты родителей, сливающиеся со звероголовым незнакомцем… И здание, этажи которого тянулись в бесконечность – дальше, дальше, дальше, рассекая надвое небо, землю и время.

Общага и была тем зданием, которое он увидел в слившихся рисунках. В реальности она оказалась довольно невзрачной – семь этажей, серые стены, – но интуиция била в набат, а в теле поселился восторг пополам с тревогой.

Саша огляделся. Других зевак на пустыре не было, а вот у Общаги народ крутился, причем весьма странный.

– Смотри, – сказал Виталик, – это ж тетка-Пеннивайз.

У угла здания стояла женщина со связкой воздушных шариков, которые колыхались на ветру на уровне третьего этажа. Цветастый наряд, яркий макияж, сверкающая бижутерия – Саша сразу узнал безобидную городскую сумасшедшую. Он не раз видел ее в центре, а однажды даже сидел с ней рядышком в метро, наблюдая, как чудаковатую тетеньку втихаря снимает на телефон один из пассажиров.

– Чего им всем дома не сидится, – проворчал Виталик.

Кто-то ковырялся с машиной на стоянке, кто-то прогуливался вокруг здания, а кто-то не сводил глаз с двух друзей, оказавшихся на пустыре. За Общагой громко выла собака. По крайней мере очень хотелось верить, что собака.

– Не нравится мне это, братан, – сказал Виталик. – Мы тут у всех на виду.

– Ага. А Допинг предупреждал, что здесь небезопасно.

– Может, в другой раз тогда? Все равно вечер уже, ничего толкового не нарисуем.

Саша посмотрел на часы, прикинул, сколько времени уйдет на то, чтобы добраться до дома, и предложил покараулить еще немного. В конце концов, от них никто не ждет шедевра – достаточно любого наброска на стене. И это будет победа. Вряд ли существовал способ круче заявить о себе.

Они нашли укрытие за чахлыми деревцами и продолжили слежку за зданием. Между тем погода совсем испортилась. Заморосил дождь, ледяной и неприятный, но даже он не загнал всех обитателей Общаги внутрь.

Когда окончательно стемнело, а с курток так и лилась вода, мобильник в Сашином кармане требовательно запиликал. Ответив на вызов – конечно же, звонила тетя, – Саша кивнул Виталику, и друзья потянулись прочь с пустыря и от застывшего по центру здания.

* * *

Сидение в засаде под дождем не прошло бесследно, и на следующий день Виталик слег с температурой. Саша отмучился на парах в одиночестве и уныло вышел на улицу. Сегодня на удивление распогодилось, за краешком пухового облака мелькнуло солнце. Идти домой не хотелось, и Саша вновь поехал к Общаге.

Он провел там весь день, и следующий, и так всю неделю, показываясь дома лишь поздним вечером. Общага не выходила из головы, манила к себе. Саша приходил на пустырь, как на службу: прятался, наблюдал и ждал своего часа. Он верил, что рано или поздно сможет оставить граффити на стене здания. Его иногда пугало это неуемное желание: то, что начиналось как простое приключение, потихоньку перерастало в одержимость. Но обратного пути не было. Саша должен был доказать всем, и прежде всего себе, что чего-то стоит.

Вот только подходящий момент никак не подворачивался, да и без Виталика, который не шел на поправку, все было куда сложнее.

На вторую неделю наблюдений Саша осознал, что ничего не поменяется. Ему все время будет кто-то мешать. Оставалось либо бросить эту затею, либо наконец рискнуть. И он выбрал второе.

Квартиру Саша покидал тихо, как воришка. Если бы тетка застукала его в коридоре с рюкзаком в третьем часу ночи, то скандала было бы не избежать. Но все обошлось.

До места назначения он добрался на такси. Глядя на окутанный тьмой пустырь и стелящийся по земле туман, Саша почувствовал, как по спине поднимается волна мурашек. Пальцы покалывало.

Окна Общаги не горели – свет был только у входной двери. Все остальное пространство пожрал мрак. Это было Са-

ше на руку.

Он неторопливо вышел из-за деревьев и крадущейся поступью направился к Общаге. Ледяной ветер обжигал кожу. Внутри рождалось какое-то странное, сладкое чувство. Саше хотелось немедленно достать баллончик и красить, красить, красить до изнеможения. Общага притягивала его, словно магнит.

Саша добрался до боковой стены и включил налобный фонарик. Быстро выудил из рюкзака баллончик, натянул респиратор. Огляделся вокруг. Показалось, что в темноте мелькнули огоньки. Саша тряхнул головой: нечего тратить на это время, пора работать.

Он редко продумывал граффити от и до, скорее действовал по наитию, на ходу создавая образы, сюжеты, композиции. Вот и сейчас как-то сама собой на стене стала расти черная спираль. Саша аккуратно выводил линии, прикидывая, что получается этакий портал, засасывающий в неизвестность. Не хватало только «чудиков», как их называл Виталик. Но чудики пришли сами.

Саша расширил портал еще немного, когда по стене сползли две тени в человеческий рост. Их никто не отбрасывал, черные силуэты, от которых в темноту уходили едва заметные ниточки, двигались сами по себе. Нарисованная спираль вдруг завращалась, начала пульсировать, и Саша отшатнулся. Тени махали руками, что-то показывали. И тогда в спину Саше ударил свет.

– Слышь, живописец! – громыхнул прокуренный голос. – Ну-ка, быстро бросил баллончик и отошел от стены.

Саша обернулся, увидел двух человек с фонариками в паре метров поодаль, мазнул взглядом по полицейской форме.

– Только не дури, пацан. Сейчас проедем в отделение, составим протокол и…

Саша швырнул в говорящего баллончик и бросился наутек. За спиной служители закона покрыли его трехэтажным матом, затопали тяжелые сапоги. Саша несся позади спящей Общаги, мимо темных окон и редких антенн, огибая здание. Преследователи нагоняли, и Саша слышал их дыхание.

Он завернул за угол, и тут словно кто-то схватил его сильной рукой. Сгреб за шиворот, дернул. Саша вскрикнул, и неизвестная сила втянула его прямо в стену.

Вначале он оглох и ослеп, но потом, проморгавшись, увидел полицейских, которые озирались в недоумении.

– Только что здесь был, – произнес один из них, и звук дошел до Саши приглушенно, словно сквозь вату.

Преследователи порыскали еще какое-то время рядом с Сашей, не замечая его, – хочешь, протяни руку и дотронься до полицейской фуражки! – но вскоре удалились. А Саша наконец осмотрелся в своем убежище. Вокруг, куда ни глянь, шевелилась и шелестела чернота. Это был мир теней, и они сновали повсюду.

Голова шла кругом. Зрение привыкало к беспросветной

темноте, и Саша начинал различать что-то вроде лиц здешних обитателей. В уши обрывками слов проникал шепот множества голосов. Тени – десятки, сотни, тысячи! – заметили гостя и стали приближаться.

Саша попятился. Тени людей толкались, сливались в единое целое, а над ними поднимались исполинские бесформенные фигуры. Саша сделал еще шаг назад и вывалился из стены.

Привычный мир встретил сыростью и холодом, заботливо окутал туманом. Саша, тяжело дыша, смотрел по сторонам, пытаясь понять, что происходит. Из-за туч выглядывал огрызок луны. На пустыре снова выла собака. Прямо перед Сашей была стена Общаги – с граффити, которое он сделал на другой стороне здания. В глубине спиралевидного портала застыли человеческие силуэты. Тени.

Неподалеку послышалась ругань. Похоже, полицейские не теряли надежды найти беглеца. Саша быстро поднялся, отряхнул штаны и стянул с головы фонарик. Тот оказался испорчен, будто оплавился там, в стене. В мире, где нет места свету…

Из-за угла вышел мужчина в куртке с накинутым капюшоном – лица не разглядеть. Он медленно шагал вдоль здания, держась рукой за стену. Остановился у граффити, ощупал нарисованную спираль – портал из черной краски.

– Тени волнуются, – сказал он и повернулся к Саше: – И все из-за тебя.

Незнакомец достал из кармана большой коробок, чиркнул спичкой и поднес огонек к граффити. Краска занялась, вспыхнула, точно солома, и осыпалась хлопьями пепла. На стене почти ничего не осталось.

Он скинул капюшон, и на Сашу уставились черные провалы глаз:

– Ты хоть знаешь, кого мог оттуда выпустить?

Незнакомец чуть повернул голову влево, будто прислушиваясь, и с той стороны раздались голоса. Через мгновение замелькал свет фонариков.

Саша не стал дожидаться полицейских и побежал. Холодный воздух резал легкие через респиратор, рюкзак стучал по спине, под ногами хлюпала грязь. Чуть сбавив ход, Саша обернулся. В ночи плясали пятна электрического света. Незнакомец стоял у стены Общаги и, казалось, смотрел в Сашину сторону. А потом в одно мгновение растворился в темноте.

Саша вновь перешел на бег и больше не останавливался.

* * *

Когда происходит что-то из ряда вон выходящее, поезд жизни поворачивает на рельсы нового восприятия. И, как ни пытайся, прежним тебе не быть. Эту истину озвучила как-то мама, и сейчас Саша был согласен с ней на сто процен-

тов. Ночное посещение мира теней изменило его сознание. В мозгу словно бы открылась дверца, которой давно надоело хранить секреты. Сонм теней ворвался в Сашину жизнь – голосами, образами, действиями, – и теперь Саша осознал, каким дураком был прежде.

Выдержать это было тяжело. С утра он проводил сестренку в школу и понял одну простую вещь: его тень, как и тень Маринки, неправильная. Такое ощущение, что кто-то забрал их настоящие силуэты и подсунул… иные. А как еще объяснить то, что тень Саши копировала силуэт длинноволосого парня? А за спиной сестренки по асфальту шагала взрослая женщина, и от нее исходила такая ярость, что Саше становилось страшно. Теперь он видел эти детали так же четко, как собственные руки и ноги.

– Маринка, ты это, будь поосторожнее. И чтобы после школы тетю Галю дождалась, ясно? Одна домой не иди.

– Конечно, – с удивлением ответила сестра, прежде чем убежала на уроки.

Хотелось отвлечься от ночного происшествия. Саша решил, что на учебу сегодня не пойдет. Достав мобильник, увидел пару пропущенных звонков от Виталика и тяжело вздохнул. Все происходящее казалось каким-то безумием, причудливым сном, от которого никак не можешь отмахнуться, и сколько ни щипай себя, реальность лучше не становится. Если раньше в тенях Саша лишь изредка улавливал несовпадения с действиями людей, то теперь это прямо-таки броса-

лось в глаза. «Перезвоню вечером», – решил он, пряча телефон обратно. Саша понятия не имел, стоит ли рассказывать другу о том, что случилось.

Посмотрев по сторонам, он зажмурился от потока информации. Мимо прошла беременная незнакомка, а теней у нее было уже две: вторая, маленькая, калачиком свернулась на руках первой. Тени – как людей, так и животных, – жили своей жизнью. Их реальность не всегда была похожа на хозяйскую. Незыблемыми оставались лишь тени неживого: зданий, машин, светофоров, сорванных ветром листьев… Но главный вопрос, который не давал Саше покоя, был в другом. Почему у остальных людей тени имели те же габариты и очертания, а у них с сестрой – нет?

Саша поехал в центр и полдня бродил по городу. Чем больше он изучал тени прохожих, тем сильнее убеждался, что с ним и сестрой что-то не так.

Он зашел в кафе и заказал капучино. Отхлебывая по глоточку, смотрел в окно: на шумящий и такой красивый город. А потом – словно вспышка в сознании – Саша даже дернулся, чуть не пролив кофе. У родителей ведь тоже были странные тени! Он почувствовал это примерно за год до аварии, но тогда не понимал, что к чему.

При этом раньше, кажется, все было нормально. Только когда у родителей начались проблемы на работе, когда они постоянно стали ходить с усталыми и тревожными лицами, когда участились ссоры – тогда их тени и изменились. Но

что с ними случилось и почему? Саша схватился за виски и застонал. Все это просто не укладывалось в голове.

День прошел как в тумане. Ночь не принесла облегчения. Саша долго ворочался в постели, а когда наконец провалился в тяжелое забытье, его тут же разбудили. Кто-то всхлипнул над самым ухом. Распахнув глаза, Саша приподнялся на локте. Маринка сидела на краешке его постели и размазывала по щекам слезы.

– Что случилось?

– Ко-о-о-о-ржик, – ответила Маринка, хлюпнув носом. Указала в дальний угол и зашептала: – Он давно там сидит. Я его звала, звала, а он сидит и смотрит. Я подошла. А там… там… Чудовище…

Сестренка разрыдалась горше прежнего. Саша покачал головой, с трудом пряча улыбку. Какой же она еще ребенок! Ладно пять лет назад она про чудовище в углу рассказывала, но теперь-то чего. Что ж, пора показать, что старшие братья ничего на свете не боятся.

– Сейчас выгоним это чудовище.

Саша потянулся и включил ночник. Спустил ноги с кровати и пошлепал босыми пятками в дальний угол комнаты, где Коржик таращился в пустоту. «У котов мозги точно набекрень», – подумал Саша, присаживаясь рядом.

– Что увидел, рыжая морда?

Кот продолжал пялиться в угол, и Саша посмотрел в том же направлении. Тишина, повисшая в комнате, вдруг пока-

залась тревожной. Свет ночника практически не доходил до этого угла, но там, где были белые пятна… Саша протер глаза. На миг почудилось, что на границе тьмы и света мелькнул силуэт: что там, в черноте, ворочалось нечто – злое, древнее и очень голодное. Саша подался вперед и уловил очертания огромной тени – с вытянутыми руками, пальцами-крючьями, волчьей головой и огромной пастью. Коржик зашипел, шерсть на загривке встала дыбом. А потом кот истошно заорал, и Саша увидел, что к его лапам протянулись черные отростки. Тьма схватила Коржика и потащила в угол.

– А ну, пошла отсюда!

Он взмахнул рукой, его тень повторила движение. В голове мелькнула мысль об оружии, и в ладони черного силуэта вдруг возник нож. Саша полоснул фантомным лезвием по отросткам, и те метнулись прочь, в темноту. Коржик отмер и стрелой бросился из комнаты.

Саша вернулся на кровать и сел рядом с сестренкой. Сердце колотилось, словно он стометровку пробежал.

– Ты спас Коржика, да?

– Ага…

Саша колебался, не зная, с чего начать. Если тень монстра пришла к ним домой, то дело труба. Он должен все рассказать Маринке, чтобы в следующий раз она была начеку. И чтобы не смела приближаться к странным теням. Оказывается, они способны не только пугать, но и нападать.

Решившись, Саша заговорил, медленно подбирая слова.

Он описал, где впервые увидел монстра. Маринка слушала, затаив дыхание, обхватив плечи тоненькими пальцами.

Когда история добралась до Общаги, на пороге комнаты в ночной сорочке возникла тетя Галя. Саша замолчал, гадая, много ли она услышала.

– Не смей ходить туда, – сказала тетя. – Саша, ты меня понял? Не смей! Это место сгубило твоих родителей, сгубит и тебя.

Сашу обдало холодом:

– Что?

Тетя Галя подвинула стул и села напротив племянников. Она всматривалась в лицо Саши так пристально, что ему стало не по себе.

– Вам тогда ничего не рассказывали. Незачем было. Но раз так…

Тетка покачала головой в задумчивости, а потом начала говорить:

– Все началось около пяти лет назад. Родителей долгое время преследовали неприятности, и мама решила, что на их семью наложили порчу. Она уговорила папу съездить к колдуну, о котором слышала от дальней родственницы. Всей семьей остановившись здесь, у тетки, они ходили по музеям, гуляли, отдыхали, но в один из дней все-таки отправились в Общагу. Тетка осталась присматривать за детьми, даже пыталась отговорить родителей, но, «что Ирке в голову взбредет, то она и сделает»!

После визита к колдуну их жизнь вроде бы наладилась: папа получил повышение по работе, у мамы прошли головные боли… А потом случилась авария.

– Я предупреждала, что вся эта мистика добром не кончится. И, что тот слепой колдун сделал, одному Богу известно. Поэтому послушай меня, Саша, не смей туда ходить. Это место втянет тебя в свои сети, а я… Я этого не переживу. – Она тяжело вздохнула: – Так, все, спать, дети, спать.

Когда тетка ушла, Саша еще долго смотрел в угол, куда до этого таращился Коржик. В голове ворочались тревожные мысли. Получается, Маринка видела эту тень еще пять лет назад… Очень боязно было за сестру. У Саши явно имелись какие-то способности, а вот про нее этого не скажешь.

Он вспомнил человека, которого встретил у Общаги, и его фразу: «Тени волнуются». И тетка упомянула слепого колдуна. Это не могло быть простым совпадением. Внутри Саши поселилась уверенность, что нужный след найден.

* * *

С утра Саша впервые вошел в Общагу. В просторном холле его встретила молодая симпатичная девушка и протянула ключ:

– Держи. Это твой.

Саша замялся, заготовленные речи застряли в горле.

– Извините, вы меня с кем-то спутали. Я к другу пришел,

номер комнаты знаю, спасибо.

Она пожала плечами и усмехнулась:

– Ну ладно, пусть так. Если что, я здесь.

Саша, ничего не понимая, кивнул и двинулся к лестнице. Из большого аквариума за ним внимательно наблюдал варан. Спиной ощущая взгляд этого хладнокровного, Саша быстрым шагом пересек холл. Чуть прикрыв глаза, он посмотрел на тень, заменившую его собственную. Длинноволосый парень показал наверх, и Саша, не сопротивляясь, позволил вести себя.

Подъем по широкой лестнице показался вечностью. Такое ощущение, что в Общаге было не семь этажей, а все семнадцать или даже больше. Наконец, с трудом отдышавшись, Саша толкнул дверь и попал в длинный, плохо освещенный коридор. Тень уверенно вела его вперед, остановившись рядом с предпоследней дверью. И Саша постучал.

Дверь открылась почти сразу, и на пороге возник давешний знакомый. Теперь Саша мог его как следует разглядеть. На вид ему было немного за сорок. Короткие темные волосы с проседью, трехдневная щетина, паутина морщин возле спрятанных за очками глаз. Если, конечно, глаза у него вообще были.

– Пришел все-таки. Заходи.

Незнакомец был одет в серые штаны и тельняшку, на ногах – видавшие виды тапки. Он посторонился, и Саша скользнул внутрь.

Несмотря на малое количество мебели, жилище слепца было захламлено. Всюду стояли лампы, светильники, подсвечники, фонари. С потолка на длинном проводе свисала одинокая лампочка. Сквозь узкую полоску между шторами в комнату лился бледный призрачный свет.

Слепец указал на кресло у стола, предлагая Саше располагаться.

– У тебя должно быть много вопросов, – сказал он, присаживаясь напротив. – Спрашивай.

– Вы колдун? Как вас зовут?

Слепец усмехнулся, взяв справа от себя трубку с подставки в виде сороки. Птица была похожа на живую, и ее глазки будто светились от жадности. Слепец прикурил от длинной каминной спички, и Саша заметил, что они тут повсюду. В комнате запахло табаком.

– Сумеречьев. Можешь называть меня так. И если я колдун, то кто ты?

– Я хочу знать, что случилось с моими родителями. Они приходили к вам несколько лет назад, чтобы снять порчу. Сначала все было нормально, но потом… Они разбились, да и мы с сестрой чуть не погибли.

– Это не случайность, но и не моя вина, – предвосхищая вопрос, сказал Сумеречьев. – Я все помню, Саша. И всех. К сожалению, твоя семья была обречена.

– Почему?

– Сильнейшая порча, хитрая. Ее наложили не на вас, а на

ваши тени. Я не смог найти того, кто это сделал. Понимаешь, когда умирает тень, умирает и человек. Я ведь один из редких… скажем так, профильных специалистов, и я знал, что счет идет не на месяцы, а на недели. Твой отец умолял меня помочь, просил пожалеть детей, и я согласился провести ритуал.

Сумеречьев поднялся, подошел к заставленному коробочками и шкатулками шкафу. Порылся в них, слепо глядя куда-то в стену, и бросил на стол перед Сашей небольшой пакетик:

– Узнаешь?

Саша взял пакетик в руки, и кровь отхлынула от лица. Внутри лежали чуть обгорелые, до боли знакомые предметы: папин перстень, мамина заколка, Маринкина соска и его, Сашин, любимый солдатик из далекого детства.

– Я призвал из мира теней новые тени для вас четверых. И уж поверь, это было непросто.

– Но почему не сработало?

– Сработало. Родители ведь не пару недель прожили?

– Пару лет. Но это же совсем мало.

Сумеречьев покачал головой:

– Это тебе не в супермаркет сходить. Тут нельзя посмотреть срок годности и взять то, что дольше прослужит. Я предупреждал твоего отца, что это чистая русская рулетка, но разве у нас был выбор?

Саша смотрел на свое отражение в очках колдуна, на его

тень – самую обычную, нормальную. Почему же Сашиной семье так не повезло?..

– А можно еще раз поменять тень?

Сумеречьев развел руками, на лице его отразилось сожаление:

– Нельзя. Такие правила. Еще одна тень просто не приживется.

– Моя сестра… Я уверен, что у нее плохая тень, – Саша вцепился в подлокотники и подался вперед. – Есть еще какие-нибудь способы ей помочь?

– Нет, увы. Любая жизнь когда-нибудь заканчивается, тут ничего не поделаешь. Но ты – совсем другое дело. Твоя тень тоже испорченная, а ты смог ее обуздать. Давно я не встречал настолько яркого дара. У тебя есть способности, их можно развить. Я помогу. Вместе мы сделаем больше. Ты ведь даже не понимаешь, какой силой обладаешь.

Сумеречьев сделал затяжку, выпустил дым в потолок и продолжил:

– Твои рисунки – это порталы. Они сохраняют баланс между теневым Петербургом и реальным. Таких, как мы, очень мало, ты скоро и сам это поймешь. Нормальный мир не для нас. И чем дальше, тем больше изменений на этой стороне ты будешь замечать.

Он чиркнул спичкой и поднес ее к стене. На обоях расцвело огромное огненное кольцо, но дальше пламя не пошло – застыло, пойманное в ловушку.

– Сначала мы контролируем порталы, открываем и запечатываем их, – он взял спичку из другого коробка и проделал с ней то же самое, но на этот раз огонь очистил стену, словно и не было там ничего секунду назад. – А потом сами становимся порталами.

Сумеречьев взялся за дужку очков, снял их и положил на стол. Саша ахнул. Глаза у колдуна все-таки были, но полностью черные, будто в глазницы налили мазута. Или их затопили тени.

– Связь с теневым миром не может не отражаться на проводниках. И тебя ждет то же самое, хочешь ты того или нет. В конце концов каждого из нас поглотят тени и мы уйдем в их мир, но до той поры должны делать свою работу.

Он поднялся и подошел к окну, за которым раскинулся пустырь. Саша заметил в комнате трость, но Сумеречьев ей не пользовался. Тень помогала ориентироваться.

– В их мире ведь не только людские тени. Здесь, в Общаге, тоже живут чудовища, но там… – Сумеречьева едва заметно тряхнуло. – Ты видел кого-нибудь из них?

Саша рассказал про тварь с волчьей головой, про ее визиты в квартиру тетки.

– Похоже, она от вас не отстанет. У меня тоже есть преследователи оттуда, но Общага защищает. Ты тоже можешь остаться.

Голова кружилась от новой информации. Стены давили, Саше казалось, что везде двигаются тени, подслушивают,

подбираются к нему. Хотелось выйти наружу и подышать свежим воздухом.

– Я не брошу Маринку. Что-нибудь придумаю.

Сумеречьев повернулся, совсем хмурый. Вздохнул тяжело:

– Тогда тебе лучше от нее не отходить. Но поверь мне, тени свое дело сделают.

* * *

Дни Саши теперь выглядели совсем иначе: их заполнили тени. В любое время суток он видел, слышал и чувствовал их. Связь усиливалась, крепла, и Саша учился взаимодействовать с миром теней.

На учебу он больше не ездил, с самого утра отправляясь в город. Саша закрашивал все свои граффити, где появлялись монстры, – запечатывал опасные проходы черной краской, чтобы ни одна тварь не пролезла. Оставлял проверенные порталы, лично наблюдая, как через них покидают этот мир тени, чьи хозяева умерли.

Пару раз Саша и сам уходил на ту сторону в надежде найти тень для сестры, пусть даже против правил. Но все тщетно. В мире теней он был чужаком, да и способностями своими толком пользоваться пока не умел. Стоило ему там появиться, как людские силуэты, поначалу проявлявшие интерес к гостю, разбегались, уступая место тем, с кем лучше не

встречаться.

Но без советов Сумеречьева не было бы даже этого, так что Саша ходил в Общагу все чаще. Колдун обладал знаниями, которые будоражили, переворачивали привычный порядок вещей с ног на голову. От них нельзя было просто так отказаться. Впрочем, большую часть времени Саша по-прежнему проводил с сестрой.

Когда в субботу она разбудила его, строя смешные рожицы, Саша в первую очередь увидел ее тень. Чужую и опасную.

– Маринка, – прошептал он, а рука так и замерла, не дотянувшись, не потрепав смоляные и непослушные косички.

– Пойдем гулять, – как ни в чем не бывало канючила и смеялась сестра. – Ну, Сашка, ну пойдем!

– А как же тетя Галя? Она обещала тебя в кино сводить.

– А вот и не сводит. Она на репетиторство сбежала. Только вечером вернется.

– Ничего. Тогда сами сходим.

Торговый центр встретил их шумом и оживлением. Поднявшись на эскалаторе на последний этаж, Саша купил билеты, попкорн и газировку и вместе с сестрой отправился смотреть что-то про тайную жизнь домашних животных. Он чуть не заснул во время сеанса, зато Маринка осталась в полном восторге.

Потом они гуляли по городу, ходили по магазинам и бол-

тали обо всем на свете. Было хорошо. Если бы в голову не лезли мысли о тенях…

Дойдя до набережной Фонтанки, они крошили булку уточкам, плавающим недалеко от Чижика-Пыжика. Маринка смеялась, давала уткам имена и старалась накормить всех. А Саша смотрел в черную воду и думал о черных, переделанных тьмой глазах Сумеречьева. Неужели и он станет таким?

Когда Маринка прижалась к перилам, чтобы бросить кусок хлеба подальше, ее тень изломилась и перегнулась через ограждение. Все произошло в долю секунды. Маринка вскрикнула и начала переваливаться через перила. Саша в последний момент ухватил ее и удержал на набережной. В воду ухнул остаток булки.

– Маринка… – Саша обнял сестру, потом заглянул ей в лицо. – Ты как?

Она всхлипнула:

– Мне страшно.

Он чмокнул ее в лоб, вытер набухающие в уголках глаз слезы:

– Все обошлось. Все будет хорошо, ясно?

Саша говорил уверенно, но сам испытывал лишь ужас. Потому что теперь он мог различить шепот тени сестры. И она произносила одно-единственное слово:

– Отпусти-отпусти-отпусти-отпусти…

– Не дождешься, – сказал Саша, когда они пришли домой, а сестренка забылась послеобеденным сном. – Не дождешь-

ся, – повторил он в пустоту.

Оставлять сестренку одну не хотелось, но других вариантов не было. Подчинить ее нынешнюю тень у Саши не вышло. Он взял рюкзак, написал Маринке записку и уже собирался ехать в Общагу, когда услышал Коржика. Кот возился в том самом углу, куда его чуть не затянула тень. Сейчас все было спокойно, и рыжий прохвост играл с отклеившимся у пола краем обоев.

– Эй, морда, я тебя ремонт заставлю делать.

Коржик обернулся на голос. На его усах висела паутина, над головой в воздухе кружилась пыль. Кот чихнул и посеменил в сторону кухни.

– Вандал рыжий.

Саша присел в углу, зацепил краешек обоев со свежими царапинами, прикидывая, не приклеить ли его прямо сейчас. Присмотрелся… И почувствовал, как внутри все переворачивается. Он потянул краешек на себя, дернул сильнее, потом еще, пока внушительный кусок с треском не остался у него в руках.

На бетонной стене под обоями мерцало большое выжженное кольцо.

* * *

Саша вернулся к дежурствам на пустыре, только теперь он следил не за Общагой, а за Сумеречьевым. Запоминал,

когда тот уходит и приходит, какие дороги выбирает, с кем общается. Не привлекая внимания, следовал за ним в город и наблюдал за его работой. Саша готовил ловушку.

Колдун его обманул. Который уже день Саша проклинал себя за то, что так просто доверился незнакомому человеку, развесил уши и принял за чистую монету все, что ему наплели. Наверное, после смерти родителей в его окружении не хватало взрослых, которые могли подсказать что-то, дать совет и самое главное – понять. Тетка на эту роль не тянула, и тут подвернулся Сумеречьев. Такой же, как и он, проводник в мир теней. В глубине души Саша даже восхищался им, тянулся к нему. Пока не выяснил, что это он погубил его семью.

Прячась в собственных граффити и наблюдая за Сумеречьевым из мира теней, Саша разглядел его истинную сущность. Тень колдуна – обычная в нашем мире – была лишь видимостью, обманкой, скрывающей облик звероголового чудовища. Но самое страшное было в том, что за спиной Сумеречьева стояли десятки людей – точнее, их украденные тени. Испуганные, шепчущие. Среди них Саша заметил и свою, и Маринкину; тени мамы и папы тоже были здесь, привязанные к колдуну призрачными черными нитями.

Саша слышал, понимал их и чем больше узнавал о Сумеречьеве, тем злее становился.

На их семье не было никакой порчи, колдун просто подыграл, забрав здоровые тени, которые продлевали ему жизнь.

И замену он выбирал не случайно, приводя из мира по ту сторону тени самоубийц. Неприкаянные, они всеми силами стремились вернуться обратно и влекли людей к гибели. Сумеречьев подстраховывался, а еще ему нравилось смотреть на людское бессилие. Авария, подстроенные тенями несчастные случаи – все это было из-за колдуна.

Саша не стал запечатывать портал в теткиной квартире – так бы он себя выдал. Конечно, это было опасно, ведь Сумеречьев мог воспользоваться им в любой момент, но пришлось рискнуть. Кроме того, Саша продолжил ходить в Общагу. Несмотря на то что внутри все кипело, он старательно играл роль наивного ученика-помощника, поглощая полезные знания, открывая в себе новые силы и прокручивая в голове тот день, когда сможет отомстить.

* * *

Смятый в гармошку капот, погнутая крыша, выбитые стекла и следы пожара в салоне – даже модель автомобиля можно было распознать с большим трудом. Эта рухлядь ржавела на пустыре много лет, врастала в землю недалеко от тропинки и служила домом бродячим котам.

Саша закончил ее красить и стянул респиратор. Посмотрел на часы: Сумеречьев вот-вот должен был появиться. За спиной семиэтажной свечкой разгоняла ночной мрак Общага.

Ледяной ветер куснул лицо, Саша поднял воротник и натянул шапку пониже. Он все продумал, подготовил, но в успехе уверен не был. Да, Саша многому научился за последнее время, но против него был колдун, который умел куда больше. В голове возник образ твари с волчьей головой, и Саша поежился.

Сумеречьев не ожидает нападения – это главное Сашино преимущество. И если в Общаге тягаться с колдуном не имело смысла, то снаружи шанс был.

Вдалеке слышались автомобильные гудки, небо шумно рассекал самолет. По тропинке в сторону Общаги кто-то медленно шагал. Саша спрятался за машиной и подтянул к себе бейсбольную биту. Пальцы едва шевелились, бешено колотилось сердце, пар изо рта растворялся в темноте.

На тропинке возникла фигура в куртке с капюшоном. В звездном свете блеснули очки. Послышался кашель.

Саша вынырнул из укрытия, когда Сумеречьев прошел мимо машины.

– Эй!

Колдун обернулся, и Саша врезал битой ему по лицу. Взорвались стекла очков, Сумеречьев рухнул на землю, застонал. Саша достал из кармана баллончик с краской и провел черную линию по граффити на крыше автомобиля. Распечатал проход.

– Это за родителей, – сказал он, положив на крышу два больших фонаря.

Рядом с перекрещенными лучами мелькнули тени, но тут же исчезли. Потому что из портала полезли тонкие суставчатые конечности. Голодное шипение наполнило воздух.

Сумеречьев с трудом встал на колени, кровь хлестала из сломанного носа. Поднял голову к Саше. Подбородок был перемазан красным, из левого глаза торчал осколок стекла.

– Ах ты сучонок! Догадался все-таки.

Из портала на крыше автомобиля выбралась длинная насекомообразная тень. Саша кивнул в сторону колдуна, и она кинулась к нему. Но монстра перехватила вытянутая рука с когтями-крючьями.

Сумеречьев улыбнулся, выпрямляясь во весь рост. Его тень быстро менялась, теряя человеческие черты.

– Даже таким фокусам научился. Молодец…

Тень колдуна росла, вытягиваясь. Она подняла над собой насекомообразную тварь и перекусила ее волчьей пастью. Забились в воздухе суставчатые конечности, и в следующее мгновение мертвый силуэт растаял, словно его здесь никогда не было.

Саша выронил биту. Отступил на пару шагов. Сумеречьев утер кровь рукавом, достал свои спички и уничтожил проход на машине. Сказал в темноту, не оборачиваясь:

– Теперь я тебя выпотрошу. А потом и родных прикончу, недоделок.

К Саше устремилась звероголовая тень. Он отшатнулся, но острые, точно бритвы, когти его зацепили. Руку обожгло

болью, с куртки потекла кровь. Саша закусил губу, сдерживая крик. В руках его длинноволосого силуэта возникли ножи, но долго сдерживать натиск звероголового не получалось. Колдун молча стоял на тропинке, в глазах шевелилась сама ночь. Его тень наступала.

Уткнувшись спиной в покореженный металл машины, Саша принял решение. Он распылил краску из баллончика прямо на морду чудовища, занырнул под когтистую лапу и метнулся влево. Капкан остался позади, а Саша рванул прочь так, как не бегал никогда в жизни.

Он несся по промзоне – вдоль бесконечных складов, контейнеров, бетонных заборов и ржавых остовов зданий. Саша не видел преследователя, зато видел, как беснуются тени вокруг фонарей и осветительных мачт. Болели мышцы ног, ныла рана на руке. Саша оставлял за собой след из капель крови, по которым, как по хлебным крошкам, за ним шел колдун.

Саша обернулся и увидел на стене за спиной огромную тень с волчьей пастью. Впереди был глухой забор, и Саша скользнул в темноту старого складского ангара. Споткнулся о брошенные на полу поддоны, вскочил и побежал дальше. Пока не уткнулся в тупик.

Дверь была заварена. Слева и справа вырастали складские ярусы с хламом, который не стали перевозить на новое место. Сквозь разбитые окна под потолком в ангар вползал лунный свет.

– Мы ведь могли работать вместе, – сказал Сумеречьев, выходя из темноты. – Горы бы свернули с такой силой. Ты хоть понимаешь, что променял вечную жизнь на какую-то жалкую месть?

– Да пошел ты.

Саша был загнан в угол, но испытывал лишь гнев. Колдун приближался, а с ним и его чудовищная тень.

– Вот сдохла бы твоя сестричка пораньше, сам бы ко мне прибежал.

Сумеречьев сделал еще пару шагов и застыл на месте. Опустил голову к скрытому темнотой полу прямо перед собой и быстро обернулся:

– Кто?..

Тишину прорезали негромкие хлопки, по лицу колдуна размазались шарики с краской. Сумеречьева отбросило назад, он шагнул на темный участок пола и словно увяз там.

– Ты убит, слепошарый, – сказал Виталик, выходя из темноты и держа маркер наготове.

Где-то наверху загоготал Допинг. Спустя секунду вспыхнул яркий электрический свет, озаряя внутренности ангара.

Саша, убирая в карман баллончик, которым только что оставил на граффити финальный штрих, увидел испуг на лице Сумеречьева и улыбнулся:

– А как тебе такой фокус?

Пол, стены, балки, металлоконструкции – все стало частью вращающейся спирали. В одиночку такую работу Са-

ша бы ни за что не осилил. В спирали виднелись ярко-цветные, вырвиглазные куски; были и по-настоящему безумные, кривые и неправильные до абсурдности – словно того, кто красил, ненадолго выпустили из сумасшедшего дома. Сумеречьев стоял в гигантском портале, провалившись в него по щиколотку. Вокруг кишел жизнью потусторонний мрак. А сверху заливался хохотом Допинг, будто ничего веселее в жизни не видел.

Колдун вытащил из кармана коробок спичек, но сверху спустилась черная паутина и оплела руку. Такие же отростки обвили тень Сумеречьева, сдавили ее, скомкали.

Колдун закричал.

Саша отошел от портала и встал рядом с Виталиком, который кивнул и положил руку ему на плечо. По щекам текли слезы. Саша вытер их ладонью и увидел, что они черные.

Ноги Сумеречьева подломились: что-то тянуло его с той стороны. Рядом с колдуном метались тени привязанных к нему людей. Саша протянул руку, перехватил черные ниточки и дернул. Сумерьечев зашелся истошным криком, словно его пытали. Теперь уже за Сашиной спиной стояла целая армия.

Колдун повернулся к нему, прошептал что-то. Лицо было искажено от ужаса.

– Это. За. Родителей, – сказал Саша.

Спираль запульсировала, вокруг зашуршало, зашелестело, и Сумеречьева накрыла многолапая, многоголовая, мно-

голикая тьма.

* * *

День выдался на редкость приятным. Солнце напекало голову, заливало пустырь ярким светом и играло бликами в окнах Общаги. Ветер едва ощущался.

Саша шагал вперед, а следом за ним шли тени.

Он понимал, что как минимум в одном колдун оказался прав: обычный мир не для него. За считаные недели все изменилось. Саша будто провалился в очень глубокий колодец, в самое сердце тьмы, а вся его предыдущая жизнь осталась там, наверху. И теперь он мог видеть только ее смутные очертания в маленьком и недостижимом пятне света над головой.

Перед глазами встали слезы сестренки. Когда он возвратил ей тень и сообщил, что должен уйти, она горько разрыдалась.

– Я же не насовсем прощаюсь, дуреха, – сказал он терпеливо, – буду вас навещать.

Маринка ревела и мотала головой, грозилась убежать вместе с ним, прихватив с собой Коржика. Для наглядности прижимала к груди рыжего котяру, который благодушно мурчал, как трактор, – что с наглой рыжей морды возьмешь? Потом обещала каждый день приходить в Общагу, но Саша строго-настрого запретил. Обычным людям там лучше не показываться.

Объяснить свой уход тете оказалось сложнее всего. Саша сказал, что устроился на склад и переезжает в общежитие к друзьям, чтобы быть поближе к работе и успевать на учебу. Но тетя не поверила. «Так я и знала, что все к этому придет! Я тебе всегда мешала, с рисунками твоими…» Она расплакалась, а Саша ушел из дома, чувствуя себя последней сволочью. Когда-нибудь он расскажет ей всю правду, найдет нужные слова. И может быть, тетя ему поверит. Если в такое возможно поверить…

Страшная Общага. Дом с чудовищами. Городская легенда, истинные масштабы которой едва ли кто может себе представить. Это место принадлежало им, людям и нелюдям, чьи способности далеко вышли за рамки обычного. «Если я колдун, то кто ты?»

Саша присмотрелся к зданию и хмыкнул. Оно вообще не отбрасывало тени, словно не имело к этому миру никакого отношения. Возникло здесь, вопреки законам пространства и времени. Сейчас Саша видел, что этажи уходят в бесконечность, что за фасадом скрыт мир, который уже успел принять его за своего.

Саша обошел Общагу и увидел контуры недоделанного граффити. Сумеречьев не смог полностью избавиться от него. По привычке Саша огляделся по сторонам, хотя прекрасно понимал, что теперь ему нет нужды таиться. Он достал баллончик с черной краской, натянул респиратор и принялся за работу.

Когда все было готово, Саша оставил под граффити свой тэг. Жаль, звание царя питерского стрит-арта ему теперь не пригодится. Он вспомнил, как прощался с друзьями, заверяя Виталика и Допинга, что проведет их внутрь этого легендарного места, что они еще отпразднуют победу ящиком пива, и на душе стало теплее. Мы такие, какие есть. Но это не значит, что нужно рвать все нити, отказываясь от близких людей. Твои тебя не оставят ни при каких обстоятельствах. В ночь победы над колдуном он в этом убедился.

Саша дотронулся до спирали на стене, и она пришла в движение. Оживились тени за спиной. Все их хозяева оказались мертвы, а они были здесь чужаками, пленниками и жаждали попасть в свой мир.

– Теперь вы свободны.

Тени медленно двинулись к порталу, и Саша почувствовал, как одна за другой рвутся связующие ниточки. Сумеречьев жил за счет других – возможно, без этого проводник долго не протянет, – но Саше было плевать. Он знал, что поступает правильно, и верил, что никогда не станет чудовищем. Силуэт длинноволосого парня пожал ему руку, прежде чем шагнуть в портал.

Последними уходили две тени – крепкий мужчина и женщина с длинными развевающимися волосами.

– Это же вы были тогда у стены, да? Спасали меня от полиции? – спросил Саша. – Спасибо за все, мам, пап. Мне очень вас не хватает.

Тени обняли его, взялись за руки и исчезли в портале. Саша постоял немного, ощущая их последнее призрачное прикосновение.

– Прощайте, – вздохнув, сказал он им вслед.

Обогнув Общагу, Саша оказался у входа. Он не сомневался, что внутри его уже ждут. Как и не сомневался в том, что теперь все будет по-другому. Не лучше, не хуже – просто по-другому.

В холле с ним чуть не столкнулась тетка-Пеннивайз, и Саша ахнул, увидев, чем на самом деле были ее воздушные шары. Девушка на ресепшене улыбнулась. Варан прищурил глаза, и Саша кивнул ему, как старому знакомому.

Ладони коснулся холодный металл. Саша сжал пальцы, принимая и согревая теплом ключ от новой жизни.

И его тень в точности повторила это движение.

Александр Матюхин
Меняться

1

Оксана любила гулять под бесконечным питерским дождем и представлять, как люди вокруг медленно и необратимо растворяются в каплях холодной воды.

Капли эти будто стирали картинку. Люди – карандашные наброски, а дождь – ластик, безжалостно елозящий по бумаге осени. Вот был человек, со своими мыслями, чувствами, со своей какой-то жизнью, прошлым и настоящим, с вероятным будущим и багажом знаний, накопленным за годы. Вот он нырнул под дождь, куда-то торопливо направляясь, а капли падали на него и… стирали. Раз-два – человек растворился. Не осталось от него ничего. Дождь забрал человека к себе – в качестве награды или по какой-то другой причине – неизвестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.